

ДМИТРИЙ АБРАМОВ

**ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА**

МИССИЯ РОССИИ

Дмитрий Михайлович Абрамов

Первая мировая война. Миссия России

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8718477

Дмитрий Абрамов. Миссия России. Первая мировая война.: Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0698-3

Аннотация

Настоящее произведение посвящено наиболее ярким, переломным и трагическим событиям первой четверти XX века в истории Европы, Азии и России, связанным с Первой мировой войной (1914-1918 гг.). Большинство персонажей произведения являются реальными, известными или малоизвестными историческими личностями – офицеры, солдаты, военачальники, поэты, общественные деятели, – жившие, любившие и воевавшие в те далекие трагические годы. Д. Абрамов реконструирует события, раскрывая «белые пятна» эпохи, изменившей историческую судьбу России и всего мира.

В своей книге автор использовал широкий круг исторических источников и специальной литературы: материалы Государственного военно-исторического архива, картографические и топографические материалы, мемуары, редкие публикации, сведения из специальных изданий, дореволюционных газет и др. Главной целью, которую ставил перед собой автор, был показ исторической мессианской роли России.

Содержание

Глава I. Последний прорыв и несбывшиеся надежды	10
Глава II. Агония и любовь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Абрамов

Миссия России. Первая мировая война

© Абрамов Д.М., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

С огромной благодарностью и признательностью моим консультантам и помощникам И. Б. Тихоновой и В. Ю. Коровайникову – автор

Всем участникам Гражданской войны 1917-1922 гг. посвящается.

Да откроет им Истину Господь.

Да спасет и оправдает их всех: белых, зеленых и... красных.

Рожденные в года глухие

Пути не помнят своего.

Мы – дети страшных лет России —

Забывать не в силах ничего.

Испепеляющие годы!

Безумья ль в вас, надежды ль весть?

От дней войны, от дней свободы —

Кровавый отсвет в лицах есть.

А. Блок

Мною сделано это.

Библия. Вторая книга Паралипоменон. Глава XI, строфа 4

Стремительный, взрывной и кровавой пришла в Европу весна 1916 года. Уже восемнадцать месяцев человечество несло на своих плечах бремя Первой мировой войны. От Красного и Средиземного до Балтийского моря оборонительными линиями: окопами, капонирами, пулеметными гнездами, блиндажами, ходами сообщения, воронками от снарядов были распаханы тысячи километров земли. Они пролегли через пустыни Синая и Палестины, степи и болота Месопотамии, Армянское нагорье, упираясь в берега Черного и Каспийского морей. От Эгейского моря почти до Адриатики исполосовали гористые Балканы. Проснулись разбуженные гулкой канонадой Восточные предгорья Альпийских гор. Врезаясь в заповедные Швейцарские Альпы, линии фронта до пролива Па-де-Кале искромсали цветущие города, села, храмы, поля и сады Западной Европы. От плодородных юго-восточных склонов Карпат до песчаных пляжей и дюн Рижского залива, островов Эзеля и Даго были изрыты фронтом просторы Восточной Европы. Ужас, неутешное горе, разруха и нищета пришли в дома людей, живших на линиях столкновений воюющих армий. Но не меньшее горе и неутешная разлука пришли и поселились в сотни тысяч семей, отправивших на войну своих кормильцев-отцов, сыновей, братьев, суженых и любимых.

И следом не только земля, но заливы, моря и океаны услышали тревожные сигналы боевых призывов, грохот тяжелых корабельных орудий и цепей, взрывы мин и торпед. Корабли и субмарины Германской, Австро-Венгерской, Османской, Британской, Российской империй, Франции, Италии бороздили Черное, Средиземное, Северное, Балтийское моря,

Атлантику, Тихий и Индийский океаны. Они несли смерть друг другу, транспортам, судам гражданского флота, прибрежным городам и селениям. Даже с небес, к которым с мольбой люди поднимали руки, вознося молитвы к Творцу и прося его о милости и спасении, даже с небес, прочерченных смертоносными полетами крылатых машин, на людей низвергалась погибель. Авиационные бомбы и пулеметные ливни с высот в сотни метров страшнее самого крупного и страшного града взрывали землю, уродовали дома, убивали, ранили, увечили людей, губили все живое.

За последние 4 месяца 1914 года с самого начала Первой мировой Россия успела провести пять крупнейших наступательных операций (Восточно-Прусскую, Галицийскую, Варшавско-Ивангородскую, Лодзинскую на Восточном фронте и Сарыкамышскую в Закавказье). Этим она спасла Францию и Сербию от разгрома немцами и австрийцами. Да, первое наступательное сражение с германскими армиями в Восточной Пруссии было плохо подготовленным, неудачным для России. Но 2-я русская армия генерала Самсонова легла костями среди Мазурских озер Восточной Пруссии и спасла Париж от прорыва германских войск на реке Марне. Столица Франции была спасена тогда первый раз в ходе войны. Западные союзники России: Франция, Великобритания и Бельгия – лишь отразили наступление германских войск на Париж, выиграв битву на реке Марне. После этих событий война на Западе приобрела затяжной (позиционный) характер.

Разгром русскими войсками в Закавказье под Сарыкамышем 3-й турецкой армии создал благоприятный для союзников стран Антанты военно-политический фон для боевых действий в зоне пролива Дарданеллы. Готовясь к кампании 1915 года, англо-французское командование обратилось в начале января к русскому верховному командованию с просьбой усилить свои войска и активизировать их действия на Восточном фронте, с тем чтобы максимально облегчить положение союзников на Западе. Русское командование согласилось на их просьбу, но с условием, что англичане и французы, в свою очередь, путем крупной морской или сухопутной демонстрации в районе Дарданелл отвлекут часть турецких сил с Кавказского фронта. Такое условие русских весьма устраивало союзников, особенно Англию, которая усматривала в этом возможность упредить Россию в ее вековом стремлении овладеть Константинополем и проливами. Одновременно Англия и Франция рассчитывали своими действиями в районе Дарданелл ускорить вступление в войну Италии на стороне Антанты. Английское и французское командование приступило к разработке плана настоящей, а не демонстративной операции. Узнав об истинных намерениях своих партнеров по войне, русское правительство забило тревогу. Оно стало настойчиво добиваться от Англии и Франции решения вопроса о будущей судьбе Константинополя и проливов. Но англичане и французы всячески затягивали переговоры по этому вопросу. И только уже в ходе операции, когда их попытки овладеть Дарданеллами провалились, они были вынуждены согласиться на присоединение к России Константинополя с прилегающими к нему берегами проливов. Но и с их стороны было выдвинуто условие, что Россия будет до конца сражаться на стороне Англии и Франции, если последние также осуществят свои захватнические планы в Азиатской Турции и в других областях. Соглашение было подтверждено рядом документов, оформленных в марте – начале апреля 1915 года.

Англия и Франция отвели для проведения операции крупные силы флота: 11 линейных кораблей (один из них новейший – «Куин Элизабет»), 1 линейный крейсер, 4 легких крейсера, 16 эскадренных миноносцев, 7 подводных лодок, 1 авиатранспорт с 6 гидросамолетами, 21 тральщик, 1 канонерскую лодку и большое число вспомогательных судов. Германское и турецкое командование только в середине февраля узнало о готовящейся операции. Началось спешное сосредоточение частей и соединений 1-й и 2-й турецких армий (около 200 тыс. штыков) в зоне проливов и приведение в боевую готовность береговых укреплений и артиллерии. Перед началом операции английские и французские корабли имели на своем

вооружении 230 орудий калибром от 102 до 381 мм (в их числе 8 орудий самого крупного калибра 381 мм); турецкая береговая артиллерия – около 200 орудий калибром от 120 до 355 мм (в их числе 6 орудий 355 мм). До начала операции турки выставили южнее пролива минное заграждение (334 мины), состоявшее из 9 линий. Сражение началось утром 19 февраля с обстрела семью английскими и французскими линейными кораблями турецких внешних фортов на Галлиполийском полуострове. Корабли Антанты двинулись в пролив. Но союзников ожидали неудачи, несмотря на перевес в огневых средствах. Турецкая береговая артиллерия отчаянно и небезуспешно отстреливалась и наносила сильные повреждения кораблям англичан и французов. Некоторые из них подорвались на минах. Уже более четырех с половиной веков подряд самые восточные берега Европы и самые западные берега Азии не оглашались громом столь мощной артиллерийской канонады. Дымы, гарь, зарево пожаров и разрывов вспыхивали и плыли над лазурными водами древнего Геллеспонта. Сражение за проливы растянулось не на дни и недели, а на месяцы. Однако, несмотря на первые неудачи, англичане и французы решили продолжать Дарданелльскую операцию. Они запланировали высадку сухопутных войск на полуострове Галлиполи с целью захватить турецкие форты с тыла и облегчить прорыв флота через Дарданеллы в Мраморное море. В десант назначались 1 английская и 1 французская дивизии, австралийско-новозеландский корпус, три бригады английской морской пехоты и греческий добровольческий легион (всего 81 тыс. штыков). Этим войскам придавались 178 орудий разных калибров. Общее командование этим десантом было возложено на британского генерала Гамильтона. Утром 25 апреля десантные суда и корабли поддержки подошли к турецким берегам у пролива и начали мощную артподготовку. Затем на берег был высажен десант. Турки отчаянно оборонялись. Но англичане и французы все же сумели закрепиться на азиатском и европейском берегах пролива, потеряв за два дня около 18 тыс. человек. Напряженные бои десантных войск с турецкими силами продолжались до конца мая. Несмотря на огневое содействие крупных сил флота, союзники не смогли сломить сопротивление противника и добиться ощутимых результатов. За это время они понесли большие потери в войсках, потеряли несколько кораблей. 13 мая турецкий эсминец потопил английский линкор «Голайет», а 25-27 мая германская подводная лодка «U-21», пришедшая из австрийского порта Котор, пустила ко дну еще два линейных корабля – «Трайемф» и «Маджестик». После этих потерь англичане отправили свой новейший линкор «Куин Элизабет» в Северное море и увеличили число кораблей противолодочной обороны. Крупные корабли ушли на рейд острова Мудрос, оставив десантные войска без поддержки флота. Правда, отдельные британские корабли и подводные лодки еще прорывались через пролив в Мраморное море и топили турецкие транспорты и корабли. В августе англичане вновь предприняли наступление на полуострове и высадили туда дополнительные десанты. Но 5-я турецкая армия контратаками остановила наступление британских войск. Борьба за полуостров продолжалась до декабря. Но уже в начале ноября союзное командование приняло решение эвакуировать свои войска. Эвакуация закончилась 9 января 1916 года. Дарданелльская операция потерпела полную неудачу. Младотурецкое правительство Османской империи ликовало. Энвер-паша (министр обороны) выказывал свое почтение и уважение германскому генералу фон Сандерсу, командовавшему турецкими войсками в той операции. Однако та и другая стороны понесли громадные потери. Союзники по Антанте потеряли более 146 тыс. человек. Потери турецкой армии по официальным данным составили 101 тыс. только убитыми. Общие потери превысили четверть миллиона из 300-тысячной армейской группы в зоне Проливов. Это была одна из самых кровопролитных боевых операций в новой истории Османской империи. И хотя значение ее невелико для истории Первой мировой войны, но она заняла важное место в национальной истории турецкого народа. В те месяцы на берегах пролива формировался костяк будущей национальной армии республиканской Турции. В боях под местечком Анафарты стойко отражал атаки британцев

XVI армейский корпус под командованием полковника Мустафы Кемаль-бея, кому грядущее уготовило особое место в истории Турции.

Мало кому и сейчас известно, что армянские части в составе турецких войск показали высокие боевые качества в сражениях на Галлиполийском полуострове при разгроме Дарданельского десанта англичан и французов. Дрались армяне, призванные в турецкую армию, против Антанты и в Месопотамии. Они выполняли решение соей национальной партии Дашнакцутюн, гласившее: «Каждый армянин обязан выполнять свой долг османского подданного; следовательно, мы имеем право на то, чтобы турецкое правительство признало наше прямодушие и искренность. Мы готовы защитить целостность Османской империи и нашу родину». Руководство Дашнакцутюн уведомило в начале войны лично Талаат-пашу, как министра внутренних дел и члена триумvirата (руководства младотурецкой правящей партии) об изложенной выше позиции партии и заверило Талаат-пашу в своей лояльности к властям. Речь шла, однако, об армянах в Западной Армении (Анатолии), находившихся под турецкой властью. Население Восточной части Армении оставалось законопослушными подданными Российской империи. Но восточные армяне, вполне естественно, питали надежды на полное единение всех армян под скипетром российского императора и освобождение от османского владычества своих братьев Анатолии.

Но уже через два дня после начала высадки галлиполийского десанта, т. е. 15 апреля, Энвер-паша (военный министр) и Талаат-паша направили властям Восточной Анатолии секретный приказ о всеобщей депортации армян как потенциальных сообщников врага в пустынные области Северной Месопотамии. Как подчеркнул Талаат-паша, надлежало «покончить со всеми армянами и всячески стараться уничтожить само название “Армения” в Османской империи». Мирное христианское население насильно сорвали со своих мест и погнали умирать в пустыню. Гибель целого народа в западной Армении не изменила ни военного, ни политического хода событий. Однако дьявольский план руководителей этой акции, по которому местное мусульманское население от Трапезунда до Мосула было обязано помогать властям следить за пешими колоннами женщин, стариков и детей (мужчин-армян отделили и депортировали, либо ликвидировали), все же осуществился. В тех местах, по которым прошли и погибли эти полтора миллиона несчастных, пожалуй, не было турецкой или курдской семьи, где не появилось бы колечко, или платок, или другая вещица обреченных на голодную смерть людей, а то и рабыня или раб-ребенок из числа депортируемых армян. Эти события известны в мировой истории как геноцид армян. Политическое руководство Османской империи сделало сообщниками преступления своих подданных, не пожелавших добровольно подняться на джихад. Теперь появление войск любого члена Антанты в Восточной Анатолии от Эрзрума до Киликии должно было рассматриваться мирным населением как месть со стороны христиан всем мусульманам.

Тем временем уже весной 1915 года Германия и Австро-Венгрия обрушили мощь всех своих армий на Россию, стремясь вывести ее из войны. Россия утратила свой военный потенциал уже в 1914 году. Восточный фронт был взломан германскими и австрийскими войсками на протяжении от Галиции до Балтийского моря. Бесперывные артобстрелы, газовые атаки привели русскую армию к страшным потерям. В ходе оборонительных боев и широкомасштабного отступления потери русской армии составили 850 тысяч убитых и раненых, 900 тысяч пленных. В течение весны, лета, осени русские войска отходили по всему фронту и оставили Польшу, Литву, Западную Латвию, Западную Украину и Белоруссию. Но главная задача, поставленная германским командованием, так и не была выполнена: Россия не была разгромлена и не вышла из войны. На Западном фронте союзники не предприняли ни одной серьезной наступательной операции, чтобы спасти положение России. Только Италия вступила в войну на стороне Антанты в конце мая 1915 года. Наступление итальянских войск не было особенно удачным, и уже в июле война на Итальянском фронте приобрела

позиционный характер. И это была практически единственная помощь русским войскам: австрийцы перебросили с Восточного фронта на итальянский 10-12 дивизий. Относительный успех Тройственного союза (Германской, Австро-Венгерской, Османской империй) весной-летом 1915 года подтолкнул Болгарию присоединиться к нему. Так сложился Четверной союз. Совместно с австрийцами болгары разгромили сербскую армию, которая отступила к Адриатическому морю и была с побережья эвакуирована англичанами на Ионические острова. Сербия была оккупирована австро-венгерскими и болгарскими войсками. Утешением для Антанты было лишь то, что две французские дивизии, высадившиеся в греческом городе Салоники, ударили во фланг болгарской армии. Болгары не смогли выбить их с полуострова. Так образовался Салоникский фронт.

Весной 1916 года английские войска готовились прорвать оборону турок на Синае, развернуть наступление от Суэцкого канала через Синайскую пустыню с целью выхода в Палестину. Еще восточнее 1-й Кавказский отдельный кавалерийский корпус русской армии под командованием генерала Баратова (9850 штыков и 7860 сабель) вступил в Месопотамию и занял Ханекин (150 км северо-восточнее Багдада). Баратов стремился помочь английскому отряду, блокированному турецкой армией в Кут-эль-Амара. Однако помощь русских британцам запоздала, так как английский военачальник Таунсенд сдался туркам в плен с 12 тыс. своих солдат и офицеров. Русскому кавалерийскому корпусу пришлось прекратить дальнейшее продвижение вследствие недостатка сил, так как приходилось действовать на фронте до 650 км, ведя борьбу с местными партизанами-курдами. Тропическое лето, жара, безводье, холера и малярия изнуряли войска генерала Баратова. В Армении, завоеванной османами, русские войска еще в январе-феврале 1916 года провели успешную боевую операцию и взяли крепость Эрзерум. Русская Кавказская армия в Армении весной насчитывала более 207 тыс. штыков и 23 тыс. сабель, 470 орудий, 657 пулеметов. Но турки стянули туда еще большие силы (около 250 тыс. штыков и 45 тыс. сабель) и в конце мая перешли в контр-наступление.

Страшное творилось и в Западной Европе. Германские войска, не сумевшие полгода назад разгромить и вывести из войны Россию, в феврале 1916 года обрушили всю мощь своего ударного кулака на французские позиции у города-крепости Верден. Французы смогли выставить для защиты Вердена 11 дивизий и 632 орудия. Немцы же ударили по французам из 1500 орудийных и минометных стволов. Ведение операции возлагалось на 5-ю германскую армию под командованием кронпринца Вильгельма. Армия усиливалась свежими корпусами и артиллерией резерва. Артподготовка германских войск началась 21 февраля в 8 часов утра. Огонь невиданной силы по отдельным целям, участкам окопов, траншей и укрытий первой и второй линий французской обороны чередовался с обстрелом командных пунктов, батарей, фортов города, селений, перекрестков дорог, госпиталей, гражданских зданий Вердена, расположенных в глубине французской обороны. От этого огня гибли и страдали мирные люди: раненые, дети, женщины, старики, врачи. Для разрушения траншей и окопов немцы использовали в основном минометы. Батареи французов поражались главным образом химическими снарядами, а командные пункты, форты и другие укрепления – огнем сверхтяжелых орудий – 210-мм мортир и 420-мм гаубиц. Железнодорожные станции и госпиталя громили и обстреливали сверху десятки аэропланов. За час до атаки огонь германских орудий был перенесен на первую линию обороны и доведен до максимального напряжения. Позднее командующий французскими войсками Петэн писал: «Немцы пытались создать такую “зону смерти”, в которой ни одна часть не смогла бы удержаться. Тучи стали, чугуна, шрапнели и ядовитых газов развернулись над нашими лесами, оврагами, траншеями, убежищами, уничтожая буквально все... На узкий треугольник, заключенный между Брабан, Орн и Верденом, был сосредоточен опустошающий огонь больше чем 2 млн

снарядов». Затем десятки тысяч германских солдат были брошены в атаку на французские позиции. Но французы выдержали удар.

Так началась одна из самых кровавых битв Первой мировой, известная под названием «верденской мясорубки». Битва полыхала почти до конца лета. Французское командование, стремясь отвлечь дивизии немцев от Вердена, в начале июля предприняло наступательную операцию на реке Сомме и добилось там небольшого успеха. Для прорыва германских позиций французы и англичане впервые тогда применили танки. Но еще ранее – весной англо-французское командование обратилось к командованию русской армии с просьбой предпринять наступление на Восточном фронте, чтобы ослабить силы германских войск под Верденом и на Сомме. Россия не отказала в помощи. По планам командования русские войска должны были нанести удар по австро-германским позициям на широком фронте от реки Припяти и города Пинска до реки Днестра и города Черновицы. Руководство операцией вручалось генералу А. А. Брусилову. Начало русского наступления намечалось на конец мая – начало лета.

В то время, когда русская армия готовилась к наступательным операциям, на итальянском фронте превосходящие силы австрийцев 2 мая атаковали в районе Трентино войска 1-й итальянской армии. Понеся крупные потери, итальянцы стали отступать. Это сильно встревожило руководящие военные круги Италии. Они обратились в главную квартиру французской армии с просьбой повлиять на русское командование, чтобы заставить его ускорить наступление на юго-западе Восточного фронта и тем облегчить положение дел в Италии. Вскоре итальянское командование непосредственно само обратилось в русскую Ставку с настойчивой просьбой о помощи. Так, 10 мая 1916 года военный атташе генерал Порро просил находящегося в Риме русского полковника Энкеля, чтобы тот доложил от имени главнокомандующего итальянской армией Кадорны командующему Алексееву «усердную просьбу ускорить во имя общих интересов начало наступления русской армии».

Глава I. Последний прорыв и несбывшиеся надежды

Утренние солнечные лучи ярко били и освещали левую сторону плацкартного вагона в составе длинного воинского эшелона, двигавшегося на запад. Паровоз, тянувший эшелон, был всего на один вагон впереди, и все пассажиры хорошо слышали тревожные паровозные гудки, лязг и стук паровозных поршней и тяг. Здесь не было женщин, и потому пьяный вагон бредил громкими разговорами о положении на фронтах, пересудами, негромкой матерщиной. Молодой унтер-офицер сидел у правого окна вагона за столом и пил чай. Ему шел двадцать первый год, он был полон жизненных сил, и в его голубых глазах светились, интеллект, надежда и интерес к жизни. Отпивая горячий чай небольшими глотками, он внимательно слушал разговоры бывалых солдат, теперь унтер-офицеров, прошедших краткосрочное обучение в Москве и вновь направляющихся на фронт. Молодой человек оживленно участвовал в разговоре, задавал вопросы, но не пил спиртного, чем удивлял кампанию, восседавшую в плацкартном купе.

– В самом деле, выпейте с нами, Космин. Почему вы не пьете водки? Вы же не девица, а молодой человек. Да и к тому же на вас военный мундир, – уговаривал его тридцатилетний усатый служака с красным лицом.

– Увольте, господа. Я в жизни-то не пил. Да и к чему оно. Повода-то нет. Давайте лучше я вам стихи почитаю. У меня тут с собой прекрасный «Чтец-декламатор». Опубликованы все новые поэты России. Слышали вы что-нибудь о Гумилеве, о Надсоне, об Андрее Белом, о Блоке?

– Господи, невидаль какая! К чему вам это, господин хороший? Через неделю вы забудете об этих виршах и станете искать, где бы помыться, поесть и выпить. А еще через неделю начнете выпаривать вшей над костром из вашей пока еще новенькой и не застиранной гимнастерки, – мрачно и цинично высказался другой унтер лет двадцати пяти с тонкими светлыми усиками над верхней губой.

Сверкнув злыми серыми глазами, он затянулся папиросой, приложил к губам и опрокинул в рот полстакана водки. А молодой человек, пивший чай, ничего не отвечая, слегка прокашлялся, скрипнул новыми ремнями, положил ногу на ногу и деликатно надел пенсне.

– Космин, а сами-то вы кого из перечисленных стихоплетов почитаете? – спросил третий унтер – шатен, которому седина высветила виски и лихой чуб.

– Я, господа, предпочитаю стихи Надсона. Очень глубокий поэт и христианин, – отвечал молодой человек.

– Позвольте, но он, судя по фамилии, англичанин, – вставил унтер с красным лицом, – как же вы читаете его, по-аглицки?

– Нет, господа, он русский еврей, принявший Христа.

– Еврей? Знаем мы эти дела... – зло вымолвил унтер со светлыми усами в нитку.

– Откуда у вас столько лирики, ведь вы же, кажется, реалист? – спросил шатен с седinouй.

– Да, в прошлом году окончил реальное училище в Москве, но это совсем не мешает мне любить поэзию.

– Однако после столь солидного образования вас, как вольноопределяющегося, могли бы направить в артиллерийскую или пулеметную унтер-офицерскую школу, – заметил унтер с красным лицом.

– Вы знаете, я только окончил училище, как меня вызвали в присутствие губернского воинского начальника и, посмотрев мой аттестат, тут же предложили учиться на мою нынешнюю воинскую специальность, – отвечал Космин, поблескивая стеклами пенсне.

– Как вы изволите выражаться, называется это – кратко... тьфу, черт, язык сломаешь, кравто... кварто... Слово-то немецкое...

– Картография и геодезия. Дело в том, что я неплохо чертил и рисовал в училище, словом, имел отличные оценки по этим дисциплина. А вообще-то я мечтал о кавалерии, – отвечал молодой человек.

– Не смешите, сударь, кавалерия, как показывает эта война, дело старое, отжившее свой век. «На этой войне только пушки в цене», – цинично вставил унтер с тонкими усиками.

Паровоз стал довольно резко тормозить, качнуло людей, штоф водки, стаканы на столе.

– Извозчик то весьма нетрезв! – пошутил кто-то.

Заохотало полвагона. Космин не смеялся.

– Господа, унтер-офицеры! Прошу внимания! Скоро Тарнополь – конечная станция. Всем необходимо собрать личные вещи и проверить документы. Построение сразу при выходе из вагона на перроне! – вдруг громко, перебив все разговоры, прогремел голос штабс-капитана – старшего по вагону.

Все начали нехотя вставать с мест и собирать нехитрый солдатский скарб.

* * *

7-я кавалерийская дивизия, в которую был направлен унтер-офицер Космин Кирилл Леонидович, стояла в резерве 11-й армии под Тарнополем. Вечером 20 мая молодой человек предстал перед командиром 1-й конно-артиллерийской батареи дивизии капитаном Горстом.

– Так, так, господин унтер-офицер, – просматривая документы и поглядывая на вновь прибывшего синими внимательными глазами опытного служаки, повторял капитан. – Значит, об артиллерии вы имеете довольно слабое представление. Ничего не знаете ни о наводке орудий, ни о материальной части. Картография, ну-ну!

– Так точно, ваше благородие, господин капитан! – спокойно отвечал Кирилл.

– Сразу дам маленький урок, чтобы вам не выглядеть совсем неучем в нашем артиллерийском деле. Запоминайте. Вы поступили на службу в 1-ю батарею дивизиона конной артиллерии 7-й кавалерийской дивизии. На вооружении нашей батареи четыре полевых пушки образца 1902 года и две скорострельных пушки образца 1910 года. Калибр полевой пушки 76,2 миллиметра, вес снаряда 6 с половиной килограмма, дальность стрельбы гранатой 8 с половиной верст. Это самое лучшее орудие русской армии. Но об этом позже. Скорострельные пушки; калибр 107 миллиметра, вес снаряда 16,4 килограмма, дальность стрельбы гранатой от 10 до 12 с половиной верст. Все зависит от наводчика. Но из этих орудий мы бьем редко, да и снарядов к ним мало...

Горст вновь внимательно смерил взглядом молодого унтера, увидел, что тот достал из-за отворота шинели небольшую тетрадь, развернул ее, стал тонко отточенным карандашом делать пометки. Это понравилось капитану. Он обратил внимание, на то, что на унтере пенсне и хромовые офицерские сапоги, хотя и серая солдатская шинель. Отметил, что тот чисто выбрит, не носит усов (не фронт) и совершенно трезв (во всяком случае, без запаха перегара, характерного для русских унтеров). Про себя же подумал: «Отвечает спокойно, не ест глазами начальство, не выслуживается. Выправка отменная. Не поспешил на офицерские сапоги, значит, метит выше и в унтерах сидеть не собирается. На лбу написано хорошее образование, да и внешнего благородства не отнять... Посмотрим еще его в деле...»

– Кирилл Леонидович, видно, что вы человек образованный. Да и, судя по всему, дворянского происхождения?

– Так точно! Потомственный, столбовой, Тамбовской губернии...

– Потому, господин унтер-офицер, при обращении ко мне достаточно говорить только «господин капитан», не более.

– Благодарю, господин капитан.

– Ну что ж, вы прибыли вовремя. На днях, судя по слухам из штаба дивизии, нас выводят из резерва на передовую. Там и определимся с вами. Поступаете под мое личное начало. Люди нам нужны, особенно образованные, дельные и... не лишенные твердости и самообладания. Сейчас идите на батарею, получите штатное оружие – винтовку и палаш, знакомьтесь с вашими сослуживцами, располагайтесь в соседней хате справа. Да, найдите прапорщика Власьева и встаньте на довольствие.

– Будет исполнено, господин капитан! – промолвил Кирилл, приложил руку к фуражке, круто развернулся через левое плечо, шелкнул каблуками и вышел из светлицы хаты, где квартировал командир батареи.

Через два дня 7-я кавалерийская дивизия была выведена из резерва и отправлена на линию фронта. А 1-я конно-артиллерийская батарея придавалась 7-му гусарскому Белорусскому полку. В тот день 22 мая на рассвете загрохотало по всему многокилометровому фронту от верховьев реки Припяти до верховьев рек Днестра и Прута. Началось весенне-летнее наступление русских войск на австро-германском фронте. Многие еще не знали, а только догадывались, что это новая наступательная операция и сражение.

* * *

Прошло три дня. 7-й гусарский Белорусский полк занимал позиции близ малороссийской деревни Колодия. Гул артиллерийской канонады, словно дальние вешние громы, уже третий день раздавался где-то справа – северо-западнее. Далекие сполохи огня, выстрелов и взрывов ночами расцвечивали небо. Но близ Колодии все было тихо. На рассвете 25 мая командир батареи вызвал к себе молодого унтера. Тот быстро оделся и прибыл к капитану. По заспанному лицу молодого человека было ясно, что тот еще не догадывается, какое поручение его ожидает.

– Господин унтер-офицер, вам надлежит в ближайшие четверть часа прибыть в штаб полка и поступить в подчинение поручика Новикова и корнета Пазухина. Означенным поручику и корнету приказано нынче провести тщательную разведку позиций противника. Потрудитесь взять с собой карандаши. Вот вам офицерский планшет, полевая карта-двухверстка, полевая офицерская книжка. Возьмите и мой бинокль. Берегите его, другого нет. Все, что будет добыто и представлено разведчиками полка, вам надлежит копировать и довести до меня. Палаш можете оставить, там он вам не потребуется. А вот винтовку возьмите. Скажу по секрету, готовится серьезное дело. Большое наступление.

– Будет исполнено, господин капитан.

– Как только возвратитесь на позиции полка, немедля ко мне на доклад. Будьте осторожны, господин унтер-офицер. Шальные пули и снаряды вас не помилуют. Австрийцы их не жалеют. Не высывайтесь лишний раз, но и не теряйте чувства самообладания. Бог в помощь, ступайте.

Гусары засели на высотке у опушки леса. Кирилл, сидя привалившись к стволу сосны, острой палочкой оттирал свою измазанную шинель и очищал отягощенные ошметками болотной грязи хромовые сапоги.

– Эх, закурить бы, – вымолвил корнет Алексей Пазухин, молодой человек, ровесник Космина.

Корнет носил довольно короткую прическу, но большой пшеничный казачий чуб и небольшая, заломленная на правый бок фуражка выдавали в нем лихого кавалериста. Аккуратно подстриженные светлые усы над ровными и правильными губами, смелые синие глаза, немного курносый нос свидетельствовали о задорном и дерзком характере.

– Ты не куришь, Кирилл?

– Нет, знаешь, и не хочется.

Они уже были на «ты». Молодым людям свойственно быстро находить общие темы для разговора и знакомиться. Пазухин понимал, что Космин хоть и унтер, но ровня ему.

– А я все ж закурю, – вымолвил корнет и полез за отворот шинели за портсигаром.

«Сшьюю, сшьюю, сшьюю...» – пропели выше пули, срывая кору с деревьев и сшибая ветки.

– А ну залегли, сучьи дети! – скомандовал, словно прошипел, корнет, обращаясь к двум рядовым гусарам, привставшим на ноги, чтобы отойти за дерево.

– Что, никогда лежать не справлялись? Эй, Калиник, лезь сюда, – позвал он старшего унтер-офицера.

Тот приполз по-пластунски.

– Еще раз объясни гусарам, что мы в секрете. Наше дело – дозор. Не дай Бог кто стрельнет. Противник определит наше местоположение и накроет орудийным огнем. И нам, и всему делу кирдык. Понял?

– Так точно, господин корнет.

– Ползи отсель, доведи гусарам...

До вечера разведчики полка пролежали на опушке леса в дозоре. Пазухин и Космин в бинокль долго рассматривали высоты, занятые противником, совещались.

– Хорошо окопались. Дорога перекрыта. Линия окопов идет по всей бровке вон тех высот. Целая траншея, с блиндажами, пулеметными гнездами. И для орудий окопы отрыли – капониры. Видишь, Кирилл? – негромко отмечал корнет.

– Да. А что перед ними, на спуске?

«Шшпп! Шшпп!» – австрийские пули взрыли землю недалеко от корнета, и молодых людей осыпало комочками дерна.

Те мгновенно припали к земле лицами и укрыли головы руками.

– Метко бьют, суки! Верно, из пулемета... – сглотнув комок в горле, высохшими вмиг губами прошептал корнет.

У Кирилла засосало под ложечкой, но он сцепил зубы, поднял голову, поправил съехавшую фуражку.

– У австрийков на вооружении станковый пулемет Шварцлозе, образца 1895 года, калибр 8 миллиметров, предельная дальность огня до трех верст. Если бы он ударил даже за две версты отсель и достал, то от нас только пух да перья... Но, думаю, они нас не видят, так, резанули для острастки. Шальная очередь... – добавил Пазухин.

– Так что там перед траншеей на спуске, Алексей? – вновь по-деловому спросил Кирилл.

– Молодец, хороший вопрос. Думаю, это их секреты и стрелки по шесть-семь человек в окопчиках перед основной линией обороны.

Время бежало незаметно. Молодые люди даже не поняли, что не ели целый день и что они голодны. Лишь к пяти часам вечера корнет заметил:

– Съесть бы чего, поет в желудке.

– Меня командир батареи спешно к вам утром отправил, я и подумать не успел, чтобы взять с собой чего-нибудь, – словно извиняясь, произнес Кирилл.

– А нам обещали притащить, да, верно, как всегда, забыли, сволочи. Не дрейфь, унтер. Выпьем? – с улыбочкой произнес корнет, хлопнув по фляге у себя на ремне.

– Что у тебя там?

– Что может быть лучше водки, или доброй хохлячкой «горилки»? Держи, Кирилл, – сказал он, сняв с ремня и протянув ему полную фляжку спиртного.

Космин принял, свинтил крышку, заправски опрокинув флягу (будто делал это не раз), влил к себе в рот три глотка огненной, обжигающей жидкости. Проглотил с трудом. Про себя отметил: «Горилка!!! Пропади она пропадом...»

– Молодец, – негромко молвил корнет, и, приняв флягу у унтера, тряхнув русым чубом, торчавшим из-под фуражки, крикнул и опрокинул спиртное в горло.

На душе у обоих быстро полегчало, и даже австрийские пули стали казаться яблоками, падающими с дерева в конце лета. Молодость брала свое, и они начали травить анекдоты. Потом заговорили о женщинах. После пяти вечера корнет развернул карту, достал офицерскую полевую книжку из внутреннего кармана шинели, подложил планшет и стал писать:

«Ком-ру полка пол. Серебренникову. От корнета Пазухина 2-го. 25 мая 1916 г. 17 час. 40 мин. Дер. Колодия.»

2-я партия под командой ст. унтер-офицера 3 эскадрона 2 взвода Калиника прошла на высоту 75, 6 что на болоте у дер. Костюхновка, и оттуда на опушку леса у высоты 91, 6. Окопы противника идут по хребту от высоты 91, 6 вдоль дороги Костюхновка-Медвежье. Вперед вынесены небольшие окопы, они заняты партиями по 6-7 человек. Противник ведет редкую стрельбу из винтовок и пулеметов».

Космин тем временем рисовал позиции австрийцев на карте капитана Горста. Делал пометки на разлинованном листе офицерской книжки.

– Эй, Калиник, отправь это донесение в штаб полка с надежным человеком, да чтоб обратно вернулся и доложил мне об исполнении, – вскоре негромко произнес Пазухин.

– Сей момент, господин корнет!

– Тише, унтер, австрияков разбудишь! Ты в дозоре, а не в казарме...

Постепенно сгустились весенние вечерние сумерки. Молодые люди еще пару раз усугубили горилкой и заметно сократили содержимое фляги. Затем пришла ночь, похолодало. Хотелось спать, но никто не спал. Под покровом ночи из полка гусары все же притащили какую-то снедь, и корнет с унтером закусили свежим хлебом и салом. Вслед за едой прибыл, точнее, приполз и поручик Новиков. В темноте Космин попытался встать и представиться поручику, как положено.

– Отставить, не вставать! – прошипел тот.

– Господин поручик, ведем наблюдение, уточняем данные, помечаем позиции противника, – негромко с налетом показной деловитости доложил корнет.

– Это ты, что ли, Пазухин? Опять набрался, сукин сын!

– Точно так, гаспаин поручик!

– А кто тут пьет с тобой? – спросил Новиков, взглядываясь в унтера.

– Имею честь представиться. Унтер-офицер Космин, – пытаюсь казаться трезвым, отрапортовал Кирилл.

– Не знаю такого у нас в полку. Пополнение? – спросил поручик.

– Валентин Николаевич, что за допрос с пристрастием? Сей господин прибыл от 1-й батареи – от Горста. Прошу любить и жаловать. Кирилл Леонидович Космин, вольноопределяющийся, молодчага, джентел мен... – ставя все на свои места, разъяснил Пазухин.

– А, понятно! Вы, господин Космин, верно, и образование хорошее получили? Уж не университетское ль? – поинтересовался поручик.

– Нет. Реальное училище в Москве, а потом школа унтер-офицеров, ускоренный выпуск, – отвечал Кирилл, пытаясь подняться.

– Да, и того уже довольно. Сидите, сидите. Пазухин, дай-ка мне глоток, – продолжил поручик.

Кирилл услышал, как «глоток» четырехкратно повторился, а высосанная фляга издала тоскливый звук пустоты.

– Хороший напиток, – произнес Новиков, слизывая языком последние капли с горлышка, затем посмотрел на Пазухина и добавил: – А я уж подумал, что ты, корнет, начал водку вместе с солдатней кушать...

– В разведке всяко бывает, Валентин Николаевич, – отвечал Пазухин.

– Ну, уж не скажи, – молвил поручик.

Ночью разведчики почти не спали. К рассвету поменяли позицию. Продвигались где ползком, где перебежали, согнувшись пополам, неся карабины в руках. Так, по подсчетам Кирилла, прошли версты три куда-то на юго-восток. Обосновались на высотке, поросшей густой лещиной. Пришло холодное весеннее утро. Занимался рассвет. Западнее перед разведчиками лежала украинская деревня с названием Костюхновка. В рассветных сумерках неярко светились беленые стены и соломенные кровли. Ни огонька. Попахивало печным дымком и испеченным хлебом. Теперь уже втроем поручик, корнет и унтер рассматривали деревню в два бинокля.

– Ничего не пойму, есть там австрияки или нет? – тихо произнес Пазухин.

– Пока не видно. Рассветет, увидим, – также тихо молвил Космин.

– Э, нет, господа. Как рассветет, будет поздно. Надо сейчас, – негромко произнес поручик, отнимая бинокль от глаз. Затем развернулся, махнул рукой, прошипел:

– Эй, гусары, слушай мою команду. Загнать патрон в патронник. Перебежками, за мной, до ближайшей деревни, марш!

Щелкнули затворы карабинов, Новиков взвел курок револьвера, поднялся и быстро побежал. Космин оттянул и отпустил затвор винтовки, тоже поднялся и ринулся за поручиком. Пазухин был уже впереди. Они пробежали шагов тридцать – тридцать пять, как вдруг...

«Бб-аххх! Бб-аххх! Сш-уу... УУ-хх!»

Фонтан огня и земли перед глазами. Комья и осколки металла разлетелись в разные стороны и осыпали гусар.

– Стой, назад! – проорал Новиков.

Гусары резко развернулись и пустились наутек к роще на холме.

– Господин, поручик, Юхненко и Скобарь упали! – кричал в спину Калиник.

– Убиты? Ранены? О, черт! Поднять их, быстро! Космин машинально развернулся и бросился назад к одному из упавших гусар. Он и какой-то рядовой подняли молодого парня с окровавленной головой, забросили его руки к себе на плечи. Кирилл успел поднять его окровавленную фуражку. Гусар-напарник схватил за ремень выпавший из его рук карабин. Потасили. Через полминуты подбежал Пазухин, помог нести раненого. До высоты добежали так быстро, что австрийцы не успели перезарядить и выпустить еще по одному снаряду. На высотке дышали как загнанные псы. Постепенно перевели дух, перебрались на противоположный склон в густую лещину. Совсем рядом вновь грохнули австрийские орудия, и рощу осыпало.

– Залечь всем и не высовываться! – прокричал Пазухин.

– С огненным крещением вас, господин унтер-офицер. Не задело? – участливо спросил поручик.

– Цел.

– Молодчага! – весело произнес корнет и добавил: – Эх, жаль, горилка вся.

– Хвали Бога, что не задело. У них тут целая батарея, не менее шести орудий. И так жарко, а ему горилки подавай, – урезонил Новиков.

Взошло солнце. Поручик попытался вывести из-под огня часть людей, а заодно и проверить, насколько хорошо противник просматривает местность. Приказал троим гусарам по одному оставить рощу и перебежками пробраться на позиции полка. Но австрийцы, похоже, этого ждали и клали по открытой местности снаряд за снарядом. Шрапнели рвались над рощей и окрест нее одна за другой, осыпая разведчиков осколками. Гусары вернулись, затаились.

– Бьют, суки, даже по отдельным людям, – отметил корнет, сверкнув злыми синими глазами.

– Они, как видишь, в отличие от нас, снарядов не жалеют, – словно для Космина добавил поручик, вытирая высокий вспотевший лоб и внутреннюю часть околыша фуражки.

Днем умер один из двух раненых гусар. О том доложил Калиник. Космин с Пазухиным подползли, посмотрели. Перед ними лежал в серой пропитанной кровью шинели мужчина средних лет. Осколок прошил ему грудную клетку. Ни боли, ни сожаления на челе. Строгие черты лица. Русые усы. В неживых голубых очах – синеющее майское небо. Ангел-хранитель уже отлетел, и душа оставила брэнное тело. Калиник перстами правой руки закрыл глаза убитому и сотворил крестное знамение. Покойником оказался не тот, кого тащил Космин, и потому на душе у Кирилла стало как-то легче. Сняли фуражки. Перекрестился и Кирилл.

– Ты веришь в Бога? – с удивлением спросил корнет, посмотрев на унтера.

– Верую.

Днем поручик Новиков развернул карту и на листе из полевой офицерской книжки настроил донесение в штаб полка:

**«Полковнику Серебренникову. 1916 г., 26 мая,
14 час. 45 мин. № 2. Карта 2 вер. в дюйме.**

На позиции никаких перемен не произошло – затишье. Подойти к д. Костюхновка нельзя, т. к. обстреливает артиллерия пр-ка отдельных людей. Есть потери; один гусар ранен, другой убит. Наблюдаю.
Поручик Новиков».

Донесение отправили в штаб полка с одним из рядовых. Тот уполз, не замеченный противником.

Космин, одев пенсне, работал с картой поручика, нанося на ней позицию австрийцев, их батарею, пулеметные гнезда, деревню, рощи. Затем, ориентируясь по солнцу, изобразил стрелку компаса острием на север. То же самое скопировал и на своей карте для капитана Горста.

– Неплохо. Обозначения аккуратные и точные. Хорошо чертите, Космин, – похвалил Новиков.

– Реальное училище и унтер-офицерская школа, господин поручик, – отвечал Кирилл.

Ночью разведчики оставили рощу и вернулись на позиции полка, неся на руках убитого и раненого гусар. Уже в деревне нашли самогон и крепко выпили.

А рано утром, полупьяный, небритый, посеревший лицом унтер-офицер Космин в измазанных офицерских сапогах, в грязной шинели, с винтовкой за плечом и с офицерским планшетом в руках, испачканных человеческой кровью, предстал перед капитаном Горстом.

– Вы ранены? – с тревогой спросил он, увидев унтера.

– Никак нет, это не моя кровь. В разведке ранен один из гусар.

- Что имеете доложить?
- Позвольте к столу, господин капитан?
- Окажите милость.

По тому, как Космин обстоятельно излагал разведданные, вписанные в офицерскую книжку, по тому, как представил карту с нанесенными на ней позициями противника, капитан понял, что из унтера скоро выйдет дельный офицер. Слушал около получаса, задавал вопросы. В конце разговора понял, что ему теперь ясно, какую роль сыграет и какое место займет его батарея в грядущем наступлении. Когда унтер закончил, Горст помолчал немного, думая про себя: «Вот теперь пора начинать, а то они могут сменить артпозицию».

Затем произнес вслух:

- Благодарю за службу! Подам рапорт о вашем награждении, господин унтер-офицер!
- Рад стараться, господин капитан.

– Ступайте, Космин, отдохайте и приведите себя в порядок. И старайтесь более не пить с гусарами, тем более с разведчиками. Набрали же в этот гусарский полк сорвиголов! А нашим офицерам в артиллерии нужно иметь холодную, расчетливую и трезвую голову!

А Космин, отдав честь, щелкнув каблуками, развернувшись и уходя, про себя подумал: «Да, еще бы не мешало не такую русскую, как моя, а такую немецкую, как ваша, господин капитан. Тогда бы вообще с немцами да австрийцами воевать не пришлось».

* * *

Телефонограмма № 6. 1916 г. 26 мая. 18 час. 45 мин. Генералу Рербергу.

Разведка выяснила, что противником заняты высоты 83,0, что к северу от дер. Оптово, склоны гребня 84,0, к югу от дер. Оптово. Путь от дер. Оптово непроходим для кавалерии ввиду сильных болот. Деревня занята противником. Окопы противника идут по хребту от высоты 91,6 вдоль дороги Костюхновка – Медвежье. Около 5 пулеметных гнезд. Вперед вынесены небольшие окопы со стрелками по 6-7 человек. Близ дер. Костюхновка арт. батарея противника из 6 орудий. Передал 7-го гусарского поручик Изюмов.

* * *

На рассвете 3 июня все орудия 11-й армии загрохотали по линии фронта. 1-я батарея конно-артиллерийского дивизиона 7-й кавалерийской дивизии была еще ночью скрытно развернута на высоте 75,6 у болота. Капитан Горст приказал выставить охранение на подступах к батарее. А на западном склоне высоты уместилось пулеметное гнездо. Уже до восхода солнца все артиллерийские расчеты были на ногах у своих орудий. Снарядные ящики аккуратно сложили в отрытых окопчиках и укрыли досками и ветками. Орудийные передки откатали в тыл подальше от орудий. У каждого орудия было лишь по восемь снарядов. Коновязь для лошадей была устроена под восточным склоном холма у болота. Наводчики еще в утренних сумерках навели стволы пушек на позиции противника, протянутые вдоль дороги по гребню хребта, берущего начало у высоты 91, 6. Космин находился при капитане Горсте, который в бинокль рассматривал деревню и австрийские позиции. Он раз от разу то

расспрашивал унтера о противнике и передавал ему оптику для осмотра, то внимательно изучал карту.

А в низине левее болота были сосредоточены основные силы 7-го гусарского Белорусского полка. Четыре эскадрона – 700 сабель, готовых к атаке, готовых сечь, колотить и стрелять врага, – 700 сердец, готовых драться, бьющихся в унисон, – 700 человек, готовых принять смерть, но надеющихся выжить.

И слева, и справа, и впереди грохотало, ревело, свистело, рвалось. Снаряды русских орудий распахивали австрийские окопы, кромсая, смешивая австрийских солдат и их оружие с землей. Молчала лишь 1-я батарея, выдвинутая на самый передний край линии фронта. Кирилл крутился у артиллерийской буссоли и все прикидывал, как наводятся орудия. Горст все чаще заглядывал в стереотрубу и, хоть не подавал вида, но волновался. Космин догадывался, что Горст имеет особый приказ не открывать батарею до времени, а потом поддержать огнем своих орудий 7-й гусарский полк, обреченный прорвать вражескую оборону и открыть 7-й кавалерийской дивизии коридор, ведущий в тылы и на фланги австрийских войск. Получив бинокль из рук капитана, Космин направил его на деревню Костюхновку. Фонтаны огня и земли, пыль и дым застлали ранее тихую украинскую деревушку с белыми, крытыми соломой хатами. Что-то горело там, источая черно-рыжие клубы дыма. Иногда в объективе мелькали серые фигурки людей. Австрийцы, судя по всему, не отвечали на огонь русской артиллерии.

Наступило утро, взошло яркое солнце и ослепило людей. Утренний ветерок погнал по воздуху тополиный пух. Пахло клейкой молодой листвой. Кирилл навел бинокль левее, туда, где в низине за болотом был сосредоточен гусарский полк. Мириады пушинок словно пронизывали воздушное пространство округи. Он почти не видел людей, ибо они были скрыты свежей зеленью кустарника и рельефом местности. Лишь изредка его близорукие, вооруженные оптикой глаза выхватывали среди зарослей то кавалерийскую фуражку, то лошадиную голову, то серую шинель. Пытаясь рассмотреть людей, он понимал, что там сейчас среди большой массы кавалеристов находятся уже знакомые ему люди, с которыми он успел подружиться или почувствовать себя своим. Где-то среди них был корнет Леша Пазухин, поручик Валентин Николаевич Новиков, старший унтер Калиник. И все они сейчас должны были тронуть коней и ринуться туда, где их встретит и будет косить, рвать, кромсать ливень свинца и стальных осколков.

«Потом же, если они останутся целы, то прорвут линию вражеской обороны и...» – думал с трепетом Кирилл.

Близ места расположения полка протрещал телефонный аппарат. Штабной адъютант поднял трубку, представился. А в трубке злой голос хрипло проорал:

– Почему полк до сих пор не оставил позиций?! ...вашу мать! Погоны снять с вас, сукиных детей? Вперед! Атаковать немедленно!

Адъютант махнул рукой командиру полка.

– По-олк! Слу-ушай меня! – гаркнул во всю силу своих легких полковник Серебrenиков.

Прокашлялся, сплюнул.

Шальная шрапнель разорвалась метрах в ста от расположения полка. С воем разлетелись осколки.

– Гусары! Послужим Господу Богу, царю и Отечеству! Шашки наа-голо! Коней наметом! – вновь выкрикнул полковник, выпрастывая дорогой клинок-гурду, травленный по голомям и тускло высвечивающий сталью.

Звон и посвист кованого точеного металла, выходящего на свет Божий, чтобы калечить и убивать.

– За мной, лавой марш! Марш! Марш! – грозно и зычно призвал полковник, ловко хлопнув плетью и ожарив холеного жеребца.

Конь рванулся с места в карьер. Гусары, все как один, тронули и пустили коней.

Через три минуты Кирилл увидел в бинокль, как сотни всадников влетели на холм, с которого вся эта лава покатила на правый фланг австрийских позиций, протянутых по гребню холмов от высоты 91,6.

Гром русских орудий смолк, но грозно зарокотали австрийские пулеметы: «Трр-та-та! Трр-та-та!».

До батареи донеслось далекое, перекрывающее пулеметный лай русское «Ур-раа-а!».

Ржание коней. Затем вспышки орудийных залпов, сверкнувших со стороны деревни Костюхновка. Разрывы снарядов накрыли склон высоты 91,6. Кавалерийскую лаву заволкло дымом, пылью и гарью.

– Вот она, голубушка! Их батарея! Молодец, Космин, точно на карте указал! – прокричал унтеру на ухо капитан.

– Всем орудийным расчетам! Слушай мой приказ! Заряжай гранатой! Наводи левее деревни! По батарее противника! Наводчикам прицел 25! – командовал Горст, всматриваясь в полевую карту.

Затем подождал минуту, пока его приказ не будет выполнен.

– Беглым огнем! Пли! – скомандовал и сглотнул, сдавливая воздух в горле.

Земля под ногами вздрогнула. Орудия откатились. Высоту, на которой располагалась батарея, заволкло дымом и пороховыми газами. Уши заложило. Космин сглотнул несколько раз. Залпы орудий следовали один за другим и превратились в сплошной гул и грохот.

– Жарим почти прямой наводкой! Скорострельные 107-миллиметровые неплохо бьют! Жаль, снарядов мало! – с чувством сожаления прокричал унтеру прапорщик Власьев, всматриваясь туда, где располагалась австрийская батарея.

– Похоже, накрыли мы их батарею, господа! – громко оповестил Горст минут через десять, почти не отрывая глаз от бинокля.

– Да и они наших гусар потрепали, – произнес Космин, пытаясь рассмотреть в оптику гусарский полк, утонувший в дыму и пыли.

– Коли наши гусары на их пулеметы не напоролись, то теперь, батенька, ищите ветра в поле. Теперь гусарская сабля по их тылам гуляет, – наставнически и с удовольствием произнес прапорщик.

Прошло еще минут пять...

– Наво-одчики! Слушай! Наводи по позициям противника у высоты 91,6, – прокричал Горст. – Гранатой, по окопам и пулеметным гнездам! Прицельно! Пли!

Орудия вновь изрыгнули огонь, дрогнула земля под ногами. Потянул теплый восточный ветер, снося пыль и гарь. Космин, посмотрев в бинокль, увидел, что полк понес немалые потери, ибо подходы к австрийским позициям на высоте были покрыты десятками павших людей и коней. Видно было, что отдельные австрийцы еще держались в окопах, отстреливаясь из винтовок. Рокотал и один из их пулеметов на дальней высоте. Но гусарский полк уже прошелся по вражеским позициям, опрокинул и погнал противника на запад. Далее все, что творилось на склоне, вновь заволкло пылью и дымом.

Орудийные раскаты и лай пулеметов еще долго и грозно грохотали и будоражили округу. Дальние шальные пули и осколки визжали и секли воздух. Но люди из орудийных расчетов 1-й конно-артиллерийской батареи, казалось, и не замечали их. По батарее явно вело огонь какое-то уцелевшее австрийское орудие с позиций у деревни. Снаряды ложились по склону близ батареи. Верно, орудийный расчет и кто-то из австрийских офицеров остался жив, не отступил и хоть как-то пытался исправить положение.

«Иш-шш, иш-шш!» – пели в воздухе осколки.

«Сш-шу, сш-шу!» – визжали пули.

Нервы у Космина были на пределе. Он боялся смерти, но не подавал виду, держа себя в руках. Под левой коленкой трясло, кисти рук слегка дрожали, под ложечкой ныло и сосало. При мысли, что сейчас его может изуродовать или лишить жизни исковерканный кусок нелепо летящего с бешеной скоростью металла, Кирилла лихорадило. Более всего он боялся, что его может ударить в голову.

«Каково же там гусарам в атаке, под ливнем пуль и осколков?» – спрашивал себя молодой человек.

Превозмогая эти мысли и чувства, унтер наблюдал за ходом боя в бинокль, помогал Горсту читать карту и корректировать огонь орудий.

Вскоре на батарею прискакал гусар-вестовой и сообщил, что австрийцы выбиты из всех окрестных деревень, оставили свои позиции и откатились на 5-6 верст к западу. Орудийный огонь стал более редким. Трещал телефонный аппарат, подъезжали вестовые от начальства. Капитан Горст выслушивал новые приказы, велел развернуть орудия западнее и бить навесным огнем почти на предельной дальности. В пороховом дыму, чаду и пыли, плывших перед взором, разъедавших слизистую глаз, носа, забивавших рот и легкие, время шло быстро, часы сменяли один другой. Космин уже с утра потерял счет времени. Лишь когда солнце покатилося на запад, унтер понял, что скоро свечерееет. Медленно стихал и бой. Австрийское орудие замолчало.

«Вероятно, снаряды у них кончились», – подумал унтер.

Деревня и позиции австрийцев, которые они обстреливали утром, еще курились дымом. Батарея уже давно перенесла огонь куда-то далеко северо-западнее и была по отступавшим частям противника.

Артиллеристы, покрытые пылью, пороховой копотью, устало возились возле пушек, закуривали. Нервное напряжение, в котором люди пребывали весь день, спадало. Посыпались первые шутки, кто-то засмеялся.

– А шо, Юхименко, ты ж хотел до витру? – спросил, затягиваясь махорочным дымом, немолодой артиллерист-хохол молодого солдата-заряжающего.

– Вин и так вже нужду справил у штани! Шо, Мыкола, ничутышь, який запах идэ? – с усмешкой добавил наводчик помоложе, сидевший у соседнего орудия.

– Дак то ж твои порты и портянки, Грицько! – отшутился Юхименко.

– Космин! Возьмите одного из этих зубоскалов да отправляйтесь в деревню, близ которой располагалась батарея противника. Осмотрите внимательно позицию, определите их потери, сколько было наших попаданий и сколько мы били в молоко. Я хочу видеть подробную картину прошедшего боя. Возьмите с собой винтовки, боекомплект и палаши. Да отправляйтесь немедля! – скомандовал Горст.

– Будет исполнено, господин капитан! – отвечал повеселевший унтер.

– Эй, Юхименко, возьми винтовку, обойму с патронами, палаш и за мной! – прокричал он знакомому молодому артиллеристу.

– Сей секунд, господин унтер-офицер, – отвечал молодой солдат, поднимаясь с земли и вытаскивая свою винтовку из пирамиды...

Через сорок минут артиллеристы были в деревне. Пыль уже села, чад развеялся и они увидели, что большая часть деревенских хат и построек осталась целой. Веселые хмельные кавалеристы из 7-го гусарского полка уже всю гуляли и веселились по хатам и под сенью деревенских садов. Три крытых белым холстом санитарных повозки с красными крестами стояли у околицы. Туда на носилках несли или вели под руки раненых. Слышались стоны и крики. Сестры милосердия в белых халатах с пятнами крови на рукавах и передниках перевязывали раненых. У колеса одной из повозок сидел раненый гусар с перевязанным плечом, тяжело стонал и просил воды. С десяток молодых рядовых гусар, казалось, рыли траншею

неподалеку. Подойдя ближе, Космин увидел, что приехал полковой священник, начал раздувать кадило и раскладывать церковные книги и тетради на полевом аналое. Затем унтер разглядел, что близ отрываемой траншеи лежат в ряд убитые... С трепетом перекрестился он и замедлил шаг.

– Покой, Господи, души убиенных рабов твоих, – со страхом промолвил за его спиной молодой артиллерист. – Пойдем, ваш блахородь, боязно тут.

Космин молча еще раз перекрестился, поклонился покойникам и двинулся далее. Они скоро миновали это место и оказались на позициях австрийской батареи, располагавшейся на небольшой высотке среди заброшенного яблоневого сада. Среди стволов и ветвей, посеченных, порубленных осколками и снарядами, они нашли три разбитых и брошенных австрийцами орудия. Окопы, капониры и укрытия батареи были изрыты и разворочены. Близ орудий лежали расстрелянные снарядные гильзы. Присыпанные землей, здесь же нашли смерть восемь австрийских солдат. Судя по мундирам и шинелям, офицеров среди них не было. Недалеко, у бывшей коновязи, лежали трупы побитых коней, поломанные зарядные ящики, порванная упряжь и прочее негодное снаряжение. Космин сосчитал, как мог, снарядные воронки, что располагались поодаль, и артиллеристы оставили это место печального побоища, вновь направившись к пункту сбора раненых.

Не успели они подойти, чтобы расспросить о потерях, как Кирилл услышал:

– Космин, молодчага! И ты здесь? Рад видеть тебя!

Молодой корнет с перевязанной головой, с правой стороны которой сквозь бинты проступила свежая алая кровь, радостно позвал унтера. Он был при сабле, бившей его при ходьбе по высокому левому голенищу кавалерийского сапога и которую придерживала его левая рука. При виде корнета радость и уважение нахлынули и вспыхнули в душе Космина.

– Алексей! Как я рад, что ты... вы живы!

– Жив, как видишь! Друг мой! Да и все наши из разведки живы. Только меня осколком полоснуло. Легко отделался, а то бы уже там был, – указал Пазухин перстом на небо.

– Слава богу!

– Кирилл, дай обниму тебя, молодца! Ба! Да ты не из преисподней ли?

– Что такое?

– Ты лицо то свое видел? Прокопченная образина. Черен от гари и горелого пороха, как черт. Одни голубые глаза, да зубы, когда улыбнешься, светятся, словно у арапа.

– На батарее, целый день орудия палили, дым столбом, – оправдывался Космин.

Молодые люди меж тем обнялись и хлопнули друг друга по плечу. Тут унтер заметил, что корнет уже принял изрядную порцию самогона.

– Умники ваш Горст и вся первая батарея. Ежели бы ваши стволы не накрыли австрийские пушки здесь у деревни и их позиции с пулеметами на высоте, от нашего седьмого гусарского рожки да ножки бы остались! Хотя и так они успели нас покрошить, – немного нахмурившись, сказал Пазухин и указал глазами на свежие могилы, у которых шло отпевание.

– Впрочем, потом уж мы им с лихвой вложили, – добавил он веселее.

– Значит, не зря мы в разведке в грязи ползали, людей теряли, да Алексей?

– Эх, не зря!

– А я тут, как видишь, по приказу командира батареи, осматриваю место боя, оцениваю итоги артобстрела. Надо узнать и о наших потерях.

– Ха, узнаю Горста. Слушай, что мы тут стоим!? Отошли своего вестового-артиллериста с донесением к Горсту, а сам со мной вон в ту хату. Там наши офицеры собрались. Все тебе и расскажем. Да и после такого боя – святое дело! – весело промолвил корнет и слегка хлопнул себе пальцами по глотке.

– У, зараза! Болит! – указал он на раненую голову, – и все же, унтер, немедля идем, зальем за воротник.

– Да, но донесение хотя бы надо отписать, да вон его отправить, – поддаваясь уговорам Пазухина, ответил Космин.

Ему и самому не хотелось сейчас возвращаться на батарею.

– Давай же, отписывай скорее. Да не забудь отметить, что остаешься для дальнейшего выяснения обстоятельств боя, а возвратишься до 24 часов. А там мы тебе коня и гусара в сопровождение дадим. Туда-обратно, всего-то дел на полчаса!

– Будь любезен, Алексей. Подожди 5—10 минут. Я быстро черкну, и идем, – отвечал Космин, доставая пенсне, полевую книжку и остро отточенный карандаш.

Корнет же склонил в знак согласия голову, развернулся в сторону деревни, громко троекратно свистнул. Через минуту-другую к нему прирысил и радостно заржал его серый, белогривый жеребец.

* * *

Хлопнув дверью, Пазухин бесцеремонно ввалился в кухню большой украинской хаты, где располагались печь и стол. За ним почти незаметно и тихо проследовал Космин. В чистом, прибранном доме было по-летнему душновато. За добротным, выскобленным столом сидели трое офицеров-кавалеристов с саблями на боку и с синими просветами на погонах. Их фуражки были сняты и небрежно брошены, как и шинели на скамьи, гимнастерки и кителя расстегнуты почти до пупа, ремни амуниции ослаблены. В отдалении, за печью сидела старуха в серой длиннополой рубахе, голову которой покрывал цветастый платок, повязанный на украинский манер концами вверх. Старая слегка покачивала головой и что-то тихонько мурлыкала себе под нос. Темные глаза ее внимательно осмотрели вошедших. Она была боса, и Космин, случайно взглянув на ее стопы, увидел, что пальцы старческих ног были искривлены. У печи суежилась дивчина-молодка, также одетая в длиннополоую домо-тканую рубаху, подпоясанную расшитым передником. Волосы были заплетены в косы, уложенные вокруг головы. С интересом взглянув на Пазухина, а потом на Космина, девушка быстро отвернулась и продолжала возиться у печи, доставая оттуда чугушки и крынки с каким-то варевом. Крышка одного чугушка сдвинулась. Запахло чем-то печеным, приятным и сладковато-вареным. Унтер вновь обратил свой взгляд на застолье. На столе стояла наполовину полная четверть мутноватого самогона, несколько стаканов, лежали ломти крупно нарезанного пшеничного хлеба, картофелины, сваренные в мундирах, стояли глиняные тарелки с салом, старыми солеными огурцами. Тут же по соседству с этой крестьянской снедью располагался куль оберточной бумаги с шоколадными конфетами, явно купленными в довольно приличном городском магазине, упаковка французского печенья и тарелочка с красным яблочным мармеладом. Заметив разнообразие закуски этого стола, Космин улыбнулся про себя и подумал: «Боже, чего только не увидишь на войне!».

– Позвольте войти и принять участие в вашем, таксать, собрании, господа-офицеры? – пьяно и наигранно, но не теряя чувства меры, спросил Пазухин.

– Не паясничай, корнет, ты уже вошел. Кого это ты опять притащил? – спросил молодой голубоглазый, светловолосый поручик с аккуратными усиками.

– Ба, артиллерист-реалист! И ты здесь? Каким ветром тебя занесло к нам, батенька? – вдруг поднявшись со скамьи, весело, пьяно и громко приветствовал и спросил, узнав Кирилла, поручик Новиков.

– Да, господин-поручик, и я вот он... приказ капитана Горста... – отвечал слегка растерявшийся Космин.

– Плюнь ты на эту ученую немчуру, унтер! Проходи, присаживайся, – указал поручик на свободную скамью у стола.

– Господа! Прошу любить и жаловать. Унтер-офицер Космин. Пока – унтер! Человек молодой, но образованный, реалист. Ко всему столбовой дворянин. Словом, нашего поля ягода. Но главное – хороший картограф и не робкого десятка. Видел его в разведке. Помог вынести раненого гусара под огнем противника. Кстати, карты он для Горста рисовал. Видали, что сделала с австрийскими пушками 1-я батарея? Иначе бы нам в этой атаке... – продолжал Новиков.

– Господин-поручик, Валентин Николаевич, это уже давно всем ясно! Проходи к столу, Космин, присядь, выпей с нами. Да налейте же ему, поручик, – хлопнув по эфесу своего клинка ладонью, обратился Пазухин к другому белокурому с усиками офицеру с тремя звездочками на погонах.

– Проходите, проходите к столу, молодой человек, – повелительно пригласил Кирилла самый старший в компании по званию, черноволосый, усатый ротмистр с лысиной. Космин повиновался. Снял с плеча и прислонил винтовку к стене недалеко от входной двери. Затем снял фуражку, перекрестился на образа, стоявшие в восточном углу, расстегнул крючки и распахнул ворот шинели, подошел к столу.

– Будьте знакомы! Поручик Шабельский Андрей Ростиславович, – представил молодого белокурого офицера корнет.

Тот склонил голову и кивнул Кириллу. Космин отвечал поклоном.

– С Валентином Николаевичем тебя, унтер, знакомить второй раз не стану, в разведке друг на друга успели наглядеться, – продолжал Пазухин.

– Рад вас приветствовать и видеть в здравии, господин поручик, – с улыбкой сказал Кирилл, обращаясь к Новикову.

Тот хмельно кивнул головой.

– Ну а это наш Денис Давыдов – гордость всего полка, командир 4-го эскадрона, гроза австрийцев, настоящий гусар, герой и рубака, пьяница и поэт, герой не только на войне, но и среди слабого пола – ротмистр Гаджибеклинский Руслан Исаевич, – представил старшего офицера корнет.

Космин поклонился. Лысый ротмистр сдержанно отвечал тем же.

Самогонка между тем незаметно, будто сама собой, уже разлилась по стаканам.

– За знакомство, господа!

«И кто только успевает ее наливать? Словно какая-то волшебная рука, какой-то джинн из “Тысячи и одной ночи” банкует это зелье. Впрочем, мусульмане не пьют», – подумал про себя Космин и послушно взял предложенный ему стакан.

– За удачный день и успешную атаку!

– За наше оружие! – выкрикнул корнет, целуя голомень клинка, слегка вытянутого из ножен.

– Во здравие! И дай, Бог, не последнюю!

– За то, что бы эта война скорей закончилась, и чтобы нас любили женщины!

«Видел бы меня Горст!» – вновь пришла мысль Космину, когда он поднес хмельное к губам.

Пять стаканов сомкнулись, звякнули. Крепкий самогон покатился в глотки и желудки, щекоча, обжигая спиртом и ароматом сивухи слизистую.

Пазухин проглотил, слегка икнул и занюхал рукавом шинели. Новиков крикнул. Шабельский пару раз потрянул и покрутил головой. Новоявленный Денис Давыдов глубоко выдохнул, закрыл рот тыльной стороной ладони и вытер черные усы. Космин же, округлив и слегка вытаращив глаза, застыл в ожидании, когда провалится... Не успел он прийти в себя, как почувствовал, что корнет сунул ему под нос старый и морщинистый соленый огурец. Поблагодарив того поклоном головы, Кирилл взял огурец пальцами и откусил кусочек.

– А что ж, Космин, это вы нанесли австрийскую батарею на карту-двухверстку Горста? – спросил Шабельский.

– Да, это моя работа, господин поручик.

– Мы с вами не в строю. Не надо формальностей. Довольно имени и отчества.

– Да, Андрей Ростиславович.

– Что ж, очень недурно-с! – вставил «Денис Давыдов».

– Еще бы, ротмистр. Ваш 4-й эскадрон шел как раз на левом фланге, и австрийские пушки били по нему прямой наводкой. 1-я батарея вам и вашим людям прямо-таки жизнь спасла! – вставил поручик Новиков.

– Кто бы спорил, Валентин Николаевич. Но 4-й эскадрон первый ворвался в деревню и выбил от туда противника, – парировал Гаджибеклинский.

– Господа, позвольте узнать, а каковы вообще потери с обеих сторон? – поинтересовался Космин.

– Еще по одной, и вы все узнаете о нашей диспозиции, господин унтер, – с улыбкой произнес раскрасневшийся Пазухин.

Космин успел заметить, что тот разливал самогон по стаканам.

«Вот кто исполняет обязанности джинна. Впрочем, несложно было догадаться», – подумал Кирилл.

– Не вынимай клинка без команды и не гони коня, корнет, – вставил Новиков.

– Как можно, господин поручик.

– Вы готовы слушать, унтер? – спросил, нахмурившись, Шабельский.

– Весь внимание, – отвечал Космин, пьянея.

– На правом фланге, как раз когда ваша батарея ударила по австрийским орудиям, наш полк напоролся на сильный пулеметный и ружейный огонь противника. Во 2-м и 1-м эскадронах большие потери. В полку сразу потеряли 14 гусар. Царство им небесное. Раненых, включая тяжелых, – 30 человек. Многие, возможно, не выживут, или уже отходят... – мрачней, продолжал поручик.

– Боже правый, – тихо промолвил Кирилл, крестясь.

– Словом, почти половина эскадрона легла под их огнем, – отметил Шабельский.

– Тяжело ранен навывлет в грудь полковой адъютант поручик Изюмов, – добавил Новиков.

– Но зато легко ранен в голову корнет Пазухин, отделавшийся легким испугом в штаны, – пошутил сам про себя молодой гусар.

– Будет тебе паясничать, не к месту, корнет, – урезонил захмелевшего Пазухина Шабельский.

– Лошадей жалко. Пало 65 коней, – отвечал Пазухин, отправляя в горло новый стакан самогона.

– Ты что это, корнет, пьешь один и не предупреждая? – спросил Новиков.

– За помин души, Валентин Николаевич, пьют молча и не чокаясь.

– Да, помяни их, Господи! – угрюмо произнес Шабельский.

Все строго и молча опрокинули стаканы.

– Но и мы потом расквитались. Выбили австрийцев с позиций и из трех населенных пунктов. Гнали их почти три версты, изрубили до 2 рот. Гусары насчитали порубанных и пострелянных около 350 человек, – подвел итог «Денис Давыдов».

Внутри у Космина вдруг что-то восстало против этого, натянулось, затрепетало. После всех этих известий он вдруг ясно осознал всю бесчеловечность войны, безвозвратность потерь.

– Полк прорвал австрийский фронт шириной в 5 и глубиной в 6 верст. Хорошо, командир полка вывел гусар из-под огня, а то бы мы, потеряв до половины состава, были уже в 10

верстах западнее – в австрийских окопах второй или третьей линии, а не в этой прелестной, тихой деревушке, – продолжал далее Шабельский.

– Но, как я успел узнать, бой идет верст на 7-8 западнее. Да и Горст велел наводить орудия и приказал стрелять туда, – уточнил Космин.

– Да, вы правы, молодой человек. В прорыв левее нас пошли, углубили и расширили его другие полки нашей дивизии – 7-й драгунский Кинбурнский и 7-й уланский Ольвиопольский. Нас же, учитывая потери, вывели из боя, – добавил лысый ротмистр.

– Будет вам, господа, о стратегии! Руслан Исаевич, лучше прочтите свои стихи и докажите, что вы подлинный преемник Дениса Давыдова, – вдруг вмешался захмелевший корнет.

– Слышали, верно, Космин, Денис Давыдов и правда служил сто лет назад в нашем полку? – спросил Шабельский.

– Да, это замечательно, Андрей Ростиславович!

– Господин ротмистр, ну прочтите, окажите милость. У вас великолепно получается, – вновь пристал к Гаджибеклинскому пьяный Пазухин.

– Да, да!

– Просим! – стали упрашивать другие.

– Извольте, господа! Но сначала прочту не свое, а Давыдова. Уж очень близок мне этот поэт. Мой прадед-осетин Гаджи-бей знал его, был его товарищем, порой воевал с ним бок о бок в кампаниях 1812 и 1813 года. Послушайте, какие стихи:

Ради Бога трубку дай,
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
с закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих.

– Хорошая военная лирика, – отметил Шабельский.

– Недурно, – отметил Космин.

– Или вот еще, его же:

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской.
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мой золотой.

– И все же хотелось бы услышать ваши стихи, ротмистр, – попросил Шабельский.

– Попробую, господа, – отвечал тот севшим, пропитым голосом, покрутил кончик уса и стал читать:

Жизнь свята, но зияет ранами;
Не уйти от любви, войны.
Малодушья не скрыть обманами,
Не укрыться юбкой жены.
И душа солдатская просится
В бой. Со смертью играть, воровать.
Ну а выжил, сильнее хочется

И любить, и гулять, и жить.

Гаджибеклинский еще некоторое время читал свои стихи. Но потом разговор, как всегда это бывает в подпивших мужских компаниях, переключился на тему женщин. И тут Космин заметил, что поручик Новиков, увлекшись этой темой, сам собой, как бы невзначай разливал очередную порцию по стаканам. Раненый и уставший корнет уже дремал, сидя на скамье, покачиваясь и склоняясь головой на грудь.

«Вот и второй джинн», – подумал про себя унтер, вспоминая сквозь хмель восточную сказку «Волшебная лампа Алладина».

– Эй, красавица, а принеси-ка нам моченых яблочек! – крикнул совсем захмелевший Пазухин, подзывая украинку-молодку.

– В этих деревнях и селах готовят удивительные моченые яблоки, господа, – промолвил он, обратился он к офицерам.

– Такому панычу не тильки яблочко, но и ниче другого не жалко, – со смешком промолвила девушка, подметавшая влажным полынным веником полы в хате.

Затем она быстро вышла, прихватив с собой глиняную миску и рушник, висевший у печи. Минут через пять молодка вновь появилась в дверях, неся миску, обернутую рушником и наполненную желтоватыми, морщинистыми мочеными яблоками. Когда она подошла к столу, Пазухин почти незаметно, но ловко огладил ее по талии и заду. Та поставила миску на стол, не выказав сопротивления. Компания пьяных офицеров заулыбалась. «Денис Давыдов» покрутил правый ус и завистливо глянул на корнета. Тот же, словно не замечая, с деловым видом порылся во внутреннем нагрудном кармане шинели, достал оттуда серебряный рубль. Затем охватил запястье ее правой руки и, влюблено-пьяно заглядывая в глаза, нежно вложил монету ей в ладонь.

– Да награди тя Господь, паныч, – смущенно промолвила та и быстро отошла от стола к печи. Все закусили яблоками. Те действительно были хороши.

После принятия четвертой половины стакана самогон сильно ударил в голову унтер-офицеру Космину. Он положил руки на стол, скрестил их и опустил на них голову. Ему приснился сон, что он – мальчишка – оказался за большим столом в подземном, полутемном царстве гномов и троллей. Горели и потрескивали факелы, пахло смолой, медом и еще чем-то печеным от очага. Все было как в детстве. Старуха с темными внимательными глазами, сидевшая за печкой, оказалась мудрой седоволосой бабой-ягой, что шептала то ли какие-то молитвы, то ли заклинания. Голоса, слышимые Кириллом сквозь пьяный сон, были причудливы, искажены и забавны.

– Но была эта принцесса влюблена в юного принца с соседней улицы, – рассказывал лысый тролль средних лет с большими черными усами и бородой, – но принц оказался наследником солидного капитала и вскоре уехал в Париж. Принцесса же изменила имя, фамилию и сбежала, – продолжал он.

– А что же наш молодой человек? – баритоном спросил гном средних лет.

– Не иначе он стал совсем плох. Дать бы ему холодного молока испить, вмиг воскреснет! – посетовал молодой гном со светлыми усами.

– Батенька, а зачем тогда зелье пить? – опять баритоном вставил тролль постарше.

– Нет, господа, от этого дела самое лучшее – холодный огуречный рассол или холодный квас из погреба, – встрял в разговор молоденький гномик, выскочивший из-под стола.

– Наберут щенков в армию, а молока не дают, – подытожил лысый, усатый тролль.

– Космин, проснитесь, ночь на дворе! – громко сказал кто-то.

– Да это же они обо мне говорят! – подумал Кирилл, просыпаясь, подняв голову и очумело открыв пьяные глаза.

– Эй, Гриценко, быстро ведро холодной воды из криницы, дай умыться господину унтеру. Да следом седлай двух коней и поедешь сопровождающим на 1-ю батарею, – прокричал Пазухин через открытую дверь на улицу.

* * *

Ведро холодной колодезной воды, вылитое на голову, прохладная июньская ночь, верховая езда с ветерком неплохо освежили и привели в чувство Космина. Он прибыл на батарею, разбившую бивак на южном склоне все того же холма, запыленный, бодрый, молодой, но хмельной, и предстал в офицерской палатке пред очи усталого Горста, когда тот уже собирался отходить ко сну.

– Господин капитан, ваше приказание выполнено, осмотр позиций и батареи противника, разбитых нашими орудиями, произведен, – ничтоже сумняшеся, но слегка заплетаясь языком доложил унтер, прикладывая руку к козырьку фуражки.

– Где вас так долго носило, Космин? Или вы опять были в разведке с вашими знакомыми-гусарами? – спросил язвительно командир батареи, явно чувствуя запах спиртного от подчиненного.

– Никак нет, господин капитан, в разведке не был, но знакомые гусары многое пояснили, рассказали и помогли восстановить картину прошедшего боя, – отвечал тот без тени смущения.

Тут же спросил:

– Разрешите доложить?

– Уж потрудитесь, молодой человек, – мрачновато вымолвил Горст и разложил на походном столе свою карту-двухверстку.

Кирилл толково и неторопливо, указывая по карте карандашом, изложил командиру батареи полученные им сведения.

– И каков же, по вашим подсчетам, процент прямых или чувствительных попаданий, а самое главное, какова была эффективность и быстрота нашего огня по батарее австрийцев? – спросил Горст, сузив синие, холодные глаза.

– Нахожу, господин капитан, что батарея противника была подавлена в течение 5–10 минут после первого залпа наших орудий. Отмечаю это время, исходя из среднего расчета скорострельности наших орудий (7 выстрелов в минуту), прибавим время коррекции наводки, действенности нашего огня, поражения личного состава и материальной части. Противник явно не знал о расположении нашей батареи. Задачей австрийских артиллеристов было остановить наступление нашей кавалерии, а не ввязываться в дуэль с нами. Кроме того, по словам офицеров гусарского полка, основной урон был понесен личным составом 1-го и 2-го эскадронов, которые атаковали на правом фланге, – рассказывал Кирилл, указывая остро отточенным концом карандаша на расположение стрелковых и пулеметных позиций противника, недавно нанесенных им самим. – В то время как 4-й и 3-й эскадроны, атаковавшие в полосе открытого огня австрийской батареи, понесли небольшие потери. Основная масса убитых и раненых гусар была поражена ружейным и пулеметным огнем австрийцев на нашем правом фланге. И, как помните, наша батарея начала обстрел пехотных и пулеметных позиций противника лишь минут через 15-20 после начала атаки, – закончил Космин.

– Хорошо. И все же, каков процент прямых и ближних попаданий? – уже совершенно заинтересовавшись, вновь спросил Горст.

– Думаю, до 40-50 процентов, господин капитан. Ибо непосредственно батарею и прилегающую территорию поразили до 200 наших снарядов. Но поскольку из наших орудий огонь велся продолжительно и с убывающей частотой, можно предположить... – продолжил Космин.

– Достаточно. Я вполне удовлетворен вашими сведениями, да и пора ко сну. Ступайте, Космин, отдыхайте. Однако не забудьте, через 5 часов батарея снимается и оставляет эту позицию. Нас и наших соседей-гусар перебрасывают западнее. Думаю, командование корпуса ставит перед нами задачу взять город Броды... Словом, готовьтесь. Ну и благодарю за службу. Вы свободны.

– Рад стараться, господин капитан!

– Ступайте! Да не забудьте: из вас никогда не выйдет дельного офицера, если вы будете пить с разведчиками, тем более с гусарами!

* * *

У-гу-гу! У-гу-гу!

Космин вздрогнул, открыл глаза и увидел, что спал в шинели и в сапогах, засунув кисти рук в рукава. Фуражка, укрывавшая лоб и лицо, свалилась. Как лег вчера в темноте на какой-то большой деревянный ящик, так и проснулся. Даже на другой бок не поворачивался. Полог палатки был отброшен, и он увидел, что на дворе холодное раннее утро. Да, только забрезжил рассвет, горнист проиграл подъем и сбор. Он потянулся, зевнул, еще немного полежал. Затем отер лицо кистью правой руки, быстро встал на ноги, поднял и надел фуражку. Вышел на вольный воздух. Похмелье почти не чувствовалось. Батарея снималась с позиций на высоте 75,6. Заспанные рядовые артиллеристы с серыми, помятыми, порой злыми, похмельными лицами уже разобрали винтовки, прилаживали и подтягивали ремни с патронташами, палаши, укладывали тяжелые зарядные ящики на повозки, подводили и впрягали лошадей, почти неслышно для офицерского уха матерились. Командир батареи уже давно был на ногах и негромко, деловито отдавал приказания. Увидев Горста, молодой унтер бодро подошел к нему, прикладывая руку к козырьку и приветствуя:

– Здравия желаю, господин капитан!

– Здравствуйте, Космин! Сейчас соберите в моей палатке планшет, возьмите вместе с картой все, что нужно: карандаши, офицерскую книжку, бумагу и т. д. Не забудьте взять бинокли! Потом занимайте место на лафете вон той скорострельной пушки, и вперед. Ступайте!

– Так точно, господин капитан! – Космин развернулся, щелкнул каблуками и быстро направился выполнять приказ.

Время потекло, как песок из пригоршни с разжатыми пальцами. Пыльные грунтовые дороги с тяжелыми подъемами и крутыми спусками. Усталые, потные кони. Запах навоза, свежей зелени, взрытой полевой земли. Забытые всеми украинские деревеньки и села, укрытые запущенными садами вишенника, яблонь, столпами высоких груш и пирамидальных тополей, с белеными стенами хат, подслеповатыми оконцами, закопченными трубами, испуганными глазами жинок, детей и стариков. Все слилось в единый поток в глазах солдат русской армии, двигавшейся на Запад. Если до 25 июня командиру полка полковнику Серебренникову от офицеров поступали оперативные разведанные, донесения о расположении противника, схемы позиций, кроки окопов, минных и проволочных заграждений, то с начала июня они сменились сведениями о занятых позициях, рапортами и отчетами о потерях личного состава и лошадей, расходе патронов и гранат, порче амуниции и снаряжения. Но никто ни в 7-м гусарском Белорусском (даже и сам Серебренников), никто в приданных полку взводах, командах, никто в других кавалерийских полках дивизии, ни в 1-й, 2-й и 3-й артиллерийских батареях, ни даже сам командир дивизии не знал, что XI русская армия, в составе которой находилась 7-я кавалерийская дивизия, является одним из ударных соединений Юго-Западного фронта. Что задачу XI армии Ставка Верховного главнокомандования видит в прорыве

австрийского фронта в районе Тарнополя и вслед за прорывом предполагает силами армии развить наступление и овладеть городами Броды и Радзивилов. К исходу же августа командование планировало овладеть рубежами у верховьев реки Западный Буг.

12—13 июня в частях и соединениях XI армии была зачитана директива командующего фронтом генерала Брусилова о верности русской армии своему союзническому долгу и о ее задачах в ходе наступательной операции. Настроение в войсках было приподнятое, несмотря на чувствительные потери. Среди офицеров и солдат царило какое-то воодушевление, некая эйфория, характерная для наступающих войск. Австрийские войска отступали, порой не оказывая сопротивления, бросая раненых и отощавших лошадей, орудия, возы со снарядами, продовольствием, снаряжением, фуражом, унося и увозя с собой только стрелковое оружие, пулеметы и легкие боеприпасы. За три с лишним недели наступления дивизия прошла с боями более 60 верст.

Однако 26 июня 7-й гусарский Белорусский полк вывели в резерв 2-й кавалерийской бригады. Офицерам 1-й батареи стало известно, что полковник Серебренников контужен разорвавшимся поблизости снарядом и отправлен в госпиталь на излечение. Новым командиром полка был назначен полковник Одноглазков. И Космин ненадолго потерял из виду своих знакомых гусар. Июнь заканчивался. 7-я кавалерийская дивизия была переброшена в те дни к городу Броды. Здесь австрийцы явно готовились остановить наступление русских войск, успели отрыть хорошие окопы, построить деревянно-земляные укрепления, выставить проволочные и минные заграждения.

Однажды долгим и тихим вечером конца июня Кирилл вместе с прапорщиком Власьевым объезжал деревни в окрестностях города Броды. По поручению Горста они выехали в разведку вперед батареи версты на три в поисках места для расквартирования людей и развертывания артиллерийских позиций. Все было тихо. Уже который час подряд не слышно было ни орудийных залпов, ни треска пулеметных очередей, ни даже редких выстрелов. Прапорщик и унтер, слегка понукая лошадей, шли на легких рысях и без труда поднялись на вершину холма. На околице большого села, утонувшего в долине среди зелени садов, они увидели разъезд числом до десяти кавалеристов. От подножия холма отряд выдвигался навстречу к ним.

– Бог ты мой, неужели австрияки?! – дрогнувшим голосом воскликнул Власьев и слегка затрясшимися пальцами схватил и прижал к глазам бинокль Горста, висевший у него на груди.

– Не может быть, столько времени их не видно было, – с волнением произнес унтер.

– Похожи на венгерских гусар... Черт их разберет в летней форме с нашивками и галунами. Правда, у иных пики с флажками, – просипел прапорщик, рассматривая мундиры верховых.

– Гусары? С пиками?! – с удивлением спросил Кирилл.

– В прошлом-то веке и не такое было...

– А что на флажках-то? – с нарастающей тревогой спросил унтер, и, перекидывая левой рукой ружейный ремень через голову, пытаясь не сбить фуражку, стал перетаскивать винтовку из-за спины в правую руку.

– Да не разобрать! Видно, что орленые, но и у австрияков те ж орлы... – сохнувшими губами отрывисто отвечал прапорщик, продолжая правой рукой держать бинокль у глаз, а левой машинально вытягивая за темляк шашку.

– Увидали, к нам коней пустили. С рыси в галоп пошли, – прохрипел прапорщик.

Кирилл уже переложил винтовку на левую руку, а его кисть сама непроизвольно передернула затвор. Следом пальцами поправил и прижал к переносице пенсне.

– Оставьте, батенька! У них десять стволов, а у нас полтора. Решето из нас сделают, а потом на пики взденут, – в сердцах промолвил Власьев.

– Я в плен сдаваться не намерен, – упрямо и гордо заявил Кирилл и сжал губы. Сердце у него заныло.

– Зачем же сдаваться? До них немногим менее версты, а до батареи верст около трех. Кони-то у нас добрые. Добежим! – крикнул Власьев, и, разворачивая жеребца, огрел его плетью.

– Гоп, гоп! Пшел! Выноси, родимой!

Кирилл, понукая коня каблуками сапог, последовал примеру прапорщика. Со стороны надвигавшегося разъезда раздалось несколько выстрелов.

– Требуют, чтоб коней придержали! – крикнул Кирилл.

– А вот хрен им выкусить! – проорал Власьев на скаку, показывая унтеру большой красный палец из здорового кулака.

Кони понесли весело и легко. У Кирилла повеселело и заиграло на сердце. Сладкое, томное, порой острое чувство азарта, игры со смертью потекло по нервам, засияло в голове. Он вдруг развернулся в седле, вытянул правую руку с винтовкой и дважды выстрелил в сторону разъезда.

– Мальчишка! Начитался Майн Ридов! Чего палить-то? Вдруг свои! – орал ему Власьев, пытаясь перекричать конский топот.

– Я поверху, для острастки! – кричал в ответ Кирилл.

Двое всадников быстро спустились с холма и миновали прохладную и сырую ложбину. Затем кони вынесли их на пригорок, и на противоположном склоне холма они увидели свою батарею, остановившуюся на отдых. Предусмотрительный Горст, конечно же, выставил охранение.

«Вот оно – спасение!» – мелькнуло в голове у Кирилла.

– Наши! – прокричал он.

– Без тебя вижу, сопляк, – пробормотал себе под нос Власьев.

И пяти минут не прошло, как они подрысили к своим артиллеристам. Разъезд не останавливался, и через три-четыре минуты подошел вслед за ними. Теперь уже стало ясно, что это была русская кавалерийская разведка. Горст верхом, в окружении прапорщика, унтера и пятерых артиллеристов, державших винтовки наперевес, встретил старшего. Лихой, молодой кавалерист-улан выехал вперед, махнул рукой и громко скомандовал:

– Разъезд, стой! Сходи с коней! Разрешаю оправиться и закурить...

Послышались шутки и смех. Старший – корнет по званию, – подъехав вплотную к Горсту и рассмотрев звезды на погонах, приложил руку к козырьку фуражки, бойко обратился к командиру батареи:

– Разрешите представиться, господин капитан-артиллерии?

Горст молча кивнул и козырнул в ответ.

– Начальник разъезда корнет граф Самбор-Марноцкий. Произвожу разведку и ищу место для расквартирования полка в окрестностях Брод по приказу комполка ротмистра Мазовецкого.

– Командир первой конно-артиллерийской батареи 7-й кавдивизии капитан Горст. Не знаю вашего командира полка. Вы 7-й кавалерийской дивизии, господин корнет?

– Так точно-с, господин капитан! 7-го уланского Ольвиопольского.

– А что прежний командир полка подполковник... э... э... – промычал Горст, вспоминая малознакомую фамилию.

Конь под корнетом зафыркал и заржал. Тот огладил его по шее, успокоил, отвечая:

– Подполковник ранен. Принял командование ВРИО комполка ротмистр Мазовецкий.

– А что, полк переброшен к Бродам и имеет задачу взять город? – заинтересованно спросил Горст.

– Не знаю точно, господин капитан, – похлопывая по шее своего коня и успокаивая его, отвечал корнет, – но сюда же вслед нам идет или 7-й драгунский, или 7-й гусарский. Вот мы и облюбовали то село за холмом. Хорошее место для отдыха перед боем. А вообще-то, вы, наверное, наслышаны, господин капитан, что наша 7-я кавдивизия по ходу движения на запад передана в подчинения 32-го армейского корпуса 8-й ударной армии?

– Да, мне это известно.

– Потому, господин капитан, и наш, и 7-й гусарский были в резерве наступающих частей последние десять дней. Видимо, в ходе наступления произошла какая-то путаница...

– Да, вероятно. Корнет, по вашему мнению, здесь поблизости есть где-нибудь пригодная высота для обзора позиций противника и доброй артподготовки?

– Есть, господин капитан. Видел, что левее села неплохая высота для вашей батареи. А в селе можно расквартировать людей и поставить лошадей под крышу. А там скоро и наш полк подойдет, места всем хватит, – поделился начальник разъезда.

– Благодарю, корнет, – уже потеплевшим голосом отвечал Горст. – А что за стрельба была там за холмом? – поинтересовался он.

– Мы подумали на ваших людей, что это австрийцы. Дали несколько предупредительных выстрелов. Но они оказались неплохими кавалеристами. Когда же они поскакали на восток, стало понятно, что это наша разведка.

– А мы и так поняли, господин корнет, что вы не австрийцы, – едко заметил Власьев.

– Так зачем же побежали, господин прапорщик? – спросил Самбор-Марноцкий.

– На всякий случай. Береженого Бог бережет, господин граф, – ехидно отвечал прапорщик.

– А зачем стреляли по нас?

– Так, для остратки. Да и оружие проверили, – молвил Власьев и с улыбкой взглянул на Космина.

Кирилл поежился и, сняв фуражку, вытер ладонью холодный пот на лбу и на тулье.

Вечером того же дня большое село, располагавшееся верстах в четырех юго-восточнее Брод, бражничало и гуляло до глубокой ночи. Там и тут слышались веселые голоса, песни, смех. Сильно пьяных не было ни в уланском полку, ни в первой артбатареи. Люди знали, что завтра, скорее всего, придется принять трудный, кровопролитный бой. Многие русские солдаты шли в небольшую деревянную церковку, ставили там свечи и молились. Однако война делала свое дело. Русские солдаты дешево покупали, а то и бесплатно брали и резали мелкий рогатый скот, гусей, кур, варили в котлах горячее. Брали на сеновалах и во дворах и травили для подстилок сено, солому. Жгли в кострах крестьянские дрова, рубили на колья ветви плодоносных деревьев. Крестьянские хаты были полны народом, как постоянные дворы. И там, и тут в печах жарили, варили, парили. Солдаты одним своим постоем без всякого даже злого умысла рушили тихий, мирный, отлаженный веками крестьянский быт: бражничали, соблазняли и вели на сеновал одиноких солдаток, а то и замужних жен, пачкали в хатах, били посуду, ходили по нужде где попало. Война, потому ничего и не жалко. Все так или иначе готовились к наступлению и знали, что им предстоит брать город, получать раны, тягаться со смертью...

А ночью пошел обильный июньский дождь. Через просевшую местами соломенную крышу сарая, в котором расквартировалась часть артиллеристов 1-й батареи, потекло. Костер, разведенный у ворот этой неказистой постройки, залило. Рядовые солдаты, кутаясь в сырые шинели, согреваясь махорочным куревом, крепким чаем, самогоном, сидели в кружок у керосиновой лампы и вели свои нехитрые разговоры. Космину было скучно среди них. Ощущая, что промокли сапоги и портянки, он чувствовал себя неудобно, понимая, что нужно обогреться и просушить обувь.

– Шли бы в хату к господам ахфицерам, вашбродь. Чего вы с нашим братом тут мнетесь? – вымолвил один из старых солдат, обращаясь к Космину.

– Я ведь не офицер, братец, да меня туда и не звали, – отвечал Кирилл.

– Все одно, господин унтер, вы из благородных, образованных, с ими-т одного поля ягода. Завтра, того и гляди, навесють вам ахфицерския погоны...

Космин почувствовал некоторую неловкость, осознавая правоту, сквозившую в словах старого солдата. И ему правда хотелось в хату к офицерам. Но кодекс чести, чувство гордости, независимости и солдатский долг удерживали его среди нижних чинов.

«Ничего, придет еще и мое время», – думал он с надеждой.

Ждать он умел еще с раннего детства, когда остался без отца. Его отец Леонид Михайлович Космин – земский врач, умерший скоропостижно в расцвете сил от разрыва сердца, оставил их – троих малых детей. А его мать, урожденная Анна Жуковская, выйдя замуж за богатого фабриканта в Москве, отдала маленького Кирилла, его старшего брата и сестру в пансионы...

* * *

Ранним жарким июльским утром ударили орудия. Сумасшедшей, шальной скороговоркой залаяли пулеметы, перекрывая одиночные винтовочные выстрелы. С высоты холма, на котором располагалась батарея, Космину были хорошо видны окраина города и дороги, подходившие к нему с севера и с востока. На ближней к батарее восточной дороге разворачивался уланский Ольвиопольский полк, который должен был атаковать австрийские позиции у городской окраины. Противник явно готовился к отпору на этом участке, ибо шрапнели и снаряды рвались беспрерывно и недалеко от расположения полка.

Космин перевел бинокль правее и вдруг увидел, что верстах в трех севернее батареи, огибая высоту, выходит и разворачивается еще одна кавалерийская часть.

– По-моему, наш гусарский полк выходит на позиции, – произнес Горст, внимательно смотревший в бинокль в том же направлении...

– Не иначе, господин капитан, 7-й гусарский, – подтвердил Власьев, переняв бинокль у командира батареи и рассматривая, подходившую кавалерию...

Батарея нанесла по австрийским позициям уже с десятков точных залпов и накрыла их пулеметные гнезда и артиллерию. Изредка откуда-то издалека то одна, то другая австрийская пушка еще пыталась вести артиллерийскую дуэль. Но город уже явно перешел в руки русской кавалерии...

«Шу-уу-уу! Ах-хх!..»

Поток огненного ветра, клубы дыма, комья земли и воющих осколков... Космин машинально приседает, закрыв голову руками. Сверху все еще сыплются комья земли...

– А-а-а! У, суки! О-о-о! – слышатся возгласы на батарее.

– Достали и они нас, мать их...! – ругается кто-то в клубах накатывающего дыма и пыли.

– Метко бьют господа австрийцы, – звучит невозмутимый голос Горста.

Через пять минут прапорщик Власьев докладывает:

– Господин капитан. Двойное прямое попадание снарядов противника. Материальная часть цела. Двое рядовых – Воскобойников и Сеницын – насмерть. Третий – Юхименко – тяжело ранен...

Космин поворачивает голову, видит, что над кем-то у колес ближайшего орудия склонилось двое солдат. Лежащий на земле, усыпанный комьями земли, обрызганный темной кровью, шевелится, стонет. Еще далее двое артиллеристов за руки и за ноги несут безжиз-

ненное тело в сторону. В воздухе запах гари и крови. Рука унтера сама собой творит крестное знамение...

– Благодарю, прапорщик. Распорядитесь, чтобы раненому оказали посильную помощь. Космин, постарайтесь по карте определить координаты орудий противника, поразившего нашу батарею прямым попаданием. Это приблизительно где-то там – юго-восточнее города, – произнес командир батареи и указал Космину рукой в указанном направлении.

Космин послушно исполняет приказание, склоняясь над картой.

– Батарея, беглым огнем по юго-восточной окраине города, пли!

Орудия батареи рывкнули своим привычным тяжелым басом и трягнули землю под ногами. Горст, казалось, не собирался прекращать огня до особого приказа командира дивизии, и пушки его батареи редкими, но методичными выстрелами добивали противника, оказывавшего сопротивление на отдельных участках пригородных окопов. Где-то недалеко зарокотал «максим».

– Пулеметы одного из наших полков голос подали, – с нескрываемой радостью отметил прапорщик Власьев.

Горст согласно кивнул, и, внимательно сверяясь с картой города и его окрестностей, продолжал корректировать стрельбу. Подводя итоги, отмечая удачные и неудачные попадания, всматривался в стекла бинокля. Космин, как мог, помогал ему, работая с картой, всматриваясь в стереотрубу. Под залпы орудий, лязг затворов и лай пулеметов, из-за стелившегося порохового дыма унтер сразу и не заметил, что на командном пункте батареи вдруг появился молодой кавалерист-гусар.

– Господин капитан, разрешите обратиться! Ваши артиллеристы таким манером не только австрийцев, не только наших гусар и уланов, но и население города перемолотят. Командир полка просил передать, что ваши снаряды не дают полностью овладеть Бродами! – задорно крикнул он, неожиданно появившись за спиной Космина и обращаясь к командиру батареи.

В сердце унтера что-то радостно подскочило. Он узнал знакомый голос. Это был голос Пазухина...

Горст, выслушав донесение корнета, велел прекратить огонь и подготовить батарею к выступлению.

– Алексей, дорогой, как рад видеть тебя! – крикнул Космин.

– Кирилл!

Пазухин и Космин радостно обнялись. Стали расспрашивать друг друга о событиях прошедших недель.

– Унтер-офицер Космин! Возьмите моего коня и езжайте в город с корнетом. Потрудитесь поискать там место расположения полевого лазарета дивизии. У нас раненый. Не дай Бог, будут еще. Да поищите хорошее место для расквартирования батареи. Хватит этих биваков, пора пожить немного и городской жизнью, в конце концов. Личный состав должен привести себя в порядок, вымыться, побриться, надеть чистое нижнее белье. Потрудитесь найти какой-нибудь большой и приличный постоялый двор, чтобы можно было завести под крышу снарядные ящики и лошадей, а людей расположить в домах, – громко скомандовал командир батареи.

По его еле заметной иронической улыбке Кирилл понял, что Горст, несмотря на потери, доволен результатами артподготовки и обстрела австрийских позиций. Он явно понимал радость унтера при встрече с другом и был готов ненадолго отпустить его из расположения части в интересах службы.

– Будет исполнено, господин капитан! – радостно воскликнул Космин и приложил руку к козырьку.

– Отправляйтесь немедленно. Да не увлекайтесь длительным и тесным общением с гусарами. Через два, нет... три часа я жду вас с докладом. Исполняйте!

– Слушаюсь, господин капитан!

Космин и Пазухин держали путь к центру города. Окраины его еще кое-где дымились и горели. И Космин понимал, что это «поработала» их батарея. Но далее и ближе к центру городские постройки были нетронуты. Вскоре запестрели вывески магазинов, торговых лавок, харчевен и недорогих питейных заведений. Двух– и трехэтажные каменные здания с большими застекленными окнами в нарядных резных рамах, с черепичными и железными крышами, казалось, радостно встречали русских солдат и улыбались им. Из раскрытых окон порой им махала женская рука, державшая белый батистовый платочек. Русские с интересом разглядывали явно нерусскую архитектуру и красоту города, построенного в польско-австрийском духе. Под коваными копытами застучала каменная мостовая. В лучах летнего солнца кавалеристы увидели, сиявшие золотом кресты православной церкви и костела. В храмах торжественно звонили в колокола. Везде им встречались улыбающиеся лица горожан и раскрасневшиеся лица русских кавалеристов, уже успевших приложиться за взятие города к стакану или к кружке.

На одной из площадей скопилось несколько сотен солдат противника, сдавшихся в плен и согнанных туда для сопровождения в тыл.

– Странные немцы, вашбродь. То ли австрияки, то ли угры, а може, и волохи какие. На австрияков-то непохоже, хоть и хворма ихняя. Да вы сами послушайте, лопочат-то оне межи собою негромко, но как татары, – говорил спешившийся усатый конвоир-гусар, обращаясь к какому-то поручику, сидевшему в седле. Тот развернулся в полуоборот, и Космин узнал Шабельского. Подъехав вплотную, Пазухин и Космин приветствовали офицера, приложив руки к козырькам фуражек и здороваясь. Тот, узнав, вежливо и с улыбкой отвечал им.

– А за кого себя выдают? – обратился он вновь с вопросом к конвоиру.

– Бают, что волохи, – отвечал усатый гусар, охранявший австрийцев.

– Да и оружие у их все австрийское, сами поглядите, вашбродь, – сказал другой гусар, указывая на разряженные австрийские винтовки с примкнутыми штыками и составленные в пирамиду.

Космин при первом же взгляде на странных военнопленных понял, точнее, внутреннее чутье безошибочно подсказало, кто они. Смуглые, сухие лица с южным загаром. Небольшие, аккуратно подстриженные бороды, усы. Ветерок донес с их стороны другой, непривычный запах... запах неевропейского, восточного человека. А главное – глаза. Такие глаза бывают только у попавших в капкан, пойманных и связанных волков. Про себя, узнавая, Кирилл подумал: «Турки! Но откуда они здесь – в Галиции, в австрийской военной форме?».

– Ты знаешь, Алексей, я понял, кто эти пленные...

– Кто?

– Веришь ли, – турки!

– Бог ты мой! Они-то что тут забыли?

– Турки!? Точно турки, – неожиданно вставил еще один офицер-кавалерист, подъехавший к группе собравшихся гусар.

Космин, обернувшись к нему, узнал поручика Новикова, козырнул ему.

– Похоже, что турки. Защищают, видите ли, интересы своей империи, здесь – в Восточной Европе! – с иронией подытожил Шабельский.

– Однако, с очередной победой, господа. Давно мы так не били австрийцев, – весело сказал Новиков, покручивая пальцами кончики усов.

– А вы знаете, господа, успех наших войск по всему фронту небывалый. Мы ведь наступаем бок о бок с 8-м армейским корпусом. Корпус верст сто севернее нас. Прославленное соединение. По всему фронту о нем идет слава. Еще три недели назад корпус овла-

дел хорошо укрепленным Луцком. Дело было в ночь с 7-го на 8 июня. В составе 8-го армейского 4-я стрелковая «Железная» дивизия, коей командует некто генерал Деникин. Так вот, 4-я стрелковая взломала три линии австрийских укреплений и в излучине реки Стырь под Луцком полностью разгромила 4-ю австрийскую армию. Авангарды дивизии взяли город, форсировали Стырь и овладели плацдармами на ее западном берегу. Венгры, чехи и словаки массами сдавались в плен нашим войскам. Показания пленных рисуют безнадежную картину австрийского отступления. Толпы безоружных австрийцев различных частей бежали в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Многие пленные показывали, что им приказано было для облегчения наступления бросать все, кроме оружия, но фактически они нередко бросали именно оружие раньше всего другого... И ко всему этому добавьте обычную при отходе картину недоедания и утомления войск. «Железная» дивизия продвинулась тогда за сутки на 14 верст. При этом ее части захватили до 4 с половиной тысячи пленных, более тридцати пулеметов и полтора десятка орудий с боеприпасами, потеряв при этом 153 стрелка убитыми и 1205 ранеными, – рассказывал Шабельский.

– Да, немалая победа!

– Вы, знаете, господа, как в войсках называют развернувшееся наступление?

– Как же?

– Прорыв! Брусиловский прорыв. По фамилии командующего фронтом генерала Брусилова.

* * *

На улицах древнего Истанбула было оживленно, беспокойно, раздавались гортанные крики, изредка слышались ружейные и пистолетные выстрелы. Стояло солнечное и жаркое июльское утро. Но в квартале, прилегавшем с севера к мечети Ак-Софья (древнему храму Святой Софии), в одном из высоких помпезных зданий, построенных на европейский манер, было тихо и прохладно. В больших, просторных коридорах, залах и апартаментах господствовала полутьма. Неслышно суетились, напуганные переполохом на улице, портье и мужская прислуга, убиравшая и освежавшая дорогие восточные ковры, мебель и паркетные полы влажными щетками.

В одном из респектабельных кабинетов этого здания, расположенном на втором этаже, тяжелые портьеры на окнах были наполовину задернуты. Между ними были оставлены проемы, завешенные белым шелком. У большого письменного стола стоял солидный по виду мужчина лет сорока, с сединой на висках, в турецкой феске и в европейском костюме. Он нервно затянулся сигарой, стряхнул пепел на бронзовый поднос в виде листа лилии, на котором стояли высокий бокал с холодной водой и чашка черного кофе. Это был известный политик и один из лидеров младотурецкого правительства Османской империи, военный министр Энвер-паша. Судя по лихорадочному блеску глаз и нервному напряжению, отпечатавшемуся на его лице, министр явно кого-то нетерпеливо ожидал. Поглаживая перстами кончики черных усов, он с тревогой поглядывал на двери в кабинет. На улице раздалось три выстрела. Энвер резко и быстро выдвинул тяжелый ящик письменного стола, достал подаренный ему тяжелый пистолет системы «маузер» и взвел курок. Держа оружие вверх стволом, осторожно подошел к окну. Отодвинул портьеру и посмотрел на улицу с высоты третьего этажа. Редкие прохожие, напуганные выстрелами, перебежали от здания к зданию, оглядываясь, прижимаясь к стенам домов. Паша некоторое время всматривался вниз, пытаясь отыскать кого-то среди них. В этой позе у окна его неожиданно и застал секретарь, осторожно и почти бесшумно вошедший в кабинет своего шефа. Услышав шорох, тот от неожиданности вздрогнул, оглянулся и нажал на спусковой крючок «маузера». Грохнул выстрел, и пуля ударила в потолок, осыпав штукатуркой секретаря.

– О, шайтан! – вскричал паша, – Хафиз, ты опять возник без стука и звука. Я чуть-чуть не разрядил в тебя свой пистолет. Если ты и дальше будешь вести себя столь бесцеремонно, я отправлю тебя к твоим праотцам, сам не желая того! Ну что молчишь? Вижу, что не испугался. Да и твои хитрые глаза свидетельствуют о том, что ты принес мне важные вести.

– Все в руках Аллаха, мой господин, – промолвил секретарь, сверкнув глазами и склонив голову.

– Выкладывай скорее!

– Господин, вы напрасно беспокоитесь. Здание хорошо охраняют верные стрелки-анатолийцы. Генералы фон Сандерс и фон Макензен также позаботились о нас и заранее выслали нам охранение. На рейде Истанбула уже стоит под парами крейсер «Султан Селим Грозный» (германский «Гебен»), приведенный адмиралом Сушоном.

– Иншаллах! Ну да ничего. Эта самозваная партия «Свободы и гражданского согласия» еще заплатит за сегодняшний мятеж. Я им покажу свободу и согласие. Как только арестуют всех заговорщиков, тут и велю всем отсечь головы и вздеть их на кол у дворца нашего великого султана, как это делали в незапамятные времена, – горячась и брызгая слюной, прошипел Энвер.

– Нас не поймут даже наши друзья немцы и австрийцы, мой господин. К тому же большего эффекта мы добьемся, если передадим это дело в руки следственных органов, проведем серьезное дознание и организуем громкий судебный процесс, вызвав большой интерес у прессы и разоблачив заговорщиков, – негромко, но убедительно констатировал секретарь.

– Тебе известно, Хафиз, кто их возглавлял? – спросил паша.

– Да, эфенди. Думаю, их духовными вдохновителями были не лидеры «Свободы и гражданского согласия», а вставшие в их ряды Шериф-паша и Рашид-бей. Они давно и почти открыто заявляли, что их цель – вывести истрадавшуюся державу османов из этой войны любым путем.

– Они уповали на своих друзей из Антанты?

– Да, Энвер-эфенди. С марта этого года в Салониках издается оппозиционная газета «Муджахед»¹, в которой утверждается, что союз с Германией несет опасность для настоящего и будущего нашей нации. В номерах от 21 марта и 11 апреля газета призвала к немедленному заключению сепаратного мира с Антантой. Причем, по словам газетчиков, правительство должно добиваться этого мира «в условиях полной гласности и освещения условий, особенно касающихся Проливов и Стамбула в доступной народу печати. Тогда же оппозиционеры из партии «Свободы и гражданского согласия» сообщили западным державам по неформальным каналам, что во имя скорейшего заключения мира с Антантой они готовы совершить государственный переворот и устранить вас, мой господин, и ваших сподвижников из правительства.

– Ты прав, Хафиз. Этих мерзавцев надо предать суду. Жестокому и бескомпромиссному.

На улицах вновь раздались выстрелы. Энвер поморщился.

– Как хорошо, что фон Сандерс вовремя привел верные войска в боевую готовность.

– Да, но за это мы заплатили и еще заплатим жизнями наших аскеров². Наши самые боеспособные части по требованию германского командования перебрасываются на Восточный фронт для войны против России. Три наших дивизии дерутся в Галиции, две – в Македонии. Они уже понесли там немалые потери. Но немцы и австрийцы требуют довести численность наших войск на европейском театре до 70 тысяч штыков. Только в Галиции мы уже потеряли убитыми и ранеными около 20 тысяч аскеров, – напомнил Хафиз.

¹ «Воин за веру».

² Аскеры – солдаты Османской империи.

– О, Аллах, как нам не хватает этих дивизий в Месопотамии и в Закавказье, – промолвил паша.

* * *

– Алый, Алый, эй, ублюдок! Куда ты запропастился? Ищешь тебя полдня. Пора гнать овец домой. Хозяин недоволен тобой. Давно по твоей спине и седалищу не гуляла хозяйская камча!³ – кричит с седла пожилой седоусый башкир, грозя витой нагайкой юному пастуху, медленно гнавшему отару овец вдоль берега длинного степного пруда, поросшего ивняком. Жирные нестриженные овцы негромко бляели и шли медленно, щипля траву в тени ив, лишь изредка перебегая от одной кучки к другой, оставляя сзади себя темные, слипшиеся горошки навоза. В сонном мареве летнего степного дня вились и жужжали крупные мухи. Овцепасу было лет пятнадцать, не более...

– Яхши! Яхши!⁴ Бабай⁵, сейчас погоню отару быстро, – словно просыпаясь от колдовского сна, кричит в ответ мальчишка.

«Никакой я не ублюдок, а сын чабана. Если бы тебя слышал мой отец, башкирская морда, он бы перерезал тебе глотку кинжалом, как барану», – думает про себя пастушок.

Мальчик неплохо помнит, кто он и откуда. Помнит отца, старшего брата, сестер. Правда, он не знает матери. Отец и бабушка говорили, что она умерла, когда родила его – маленького Али. Но там, далеко на юге, среди высоких гор, в долине располагался его родной аул, в котором стоял отцовский дом. Горы кругом, высокие, суровые, величественные. На их склонах и в прохладных верхних долинах, покрытых душистыми травами, его отец – чабан и воин – верхом на коне, с винтовкой за плечами, с кинжалом на поясе пас стада овец. Отец – седовласый, с бородой и усами с ясными синими глазами, сильный, властный, но добрый, каким он был при жизни, представлялся юноше.

– О, Аллах, зачем ты сделал так, что я никогда не увижу больше ни отца, ни моих родных? – в раздумье и со слезами на глазах спрашивает он.

И опять перед его внутренним взором плывут родные горы, вершины которых сияют снегами в лучах ослепительного, но маленького и прохладного солнца.

А здесь кругом степь, бескрайняя, залитая огромным, словно расплавленным солнечным диском, засушливая летом, обильная талой, грязной водой по весне. А на родине с гор постоянно текли потоки чистой воды, бравшей свое начало в ледниках у вершин. За горами же на севере лежит огромное, теплое, темно-синее море, бьет тяжелыми волнами в каменные берега. Отец только один раз брал туда Али, когда гнал овец на продажу в большой город у моря, называемый Трабзон. Этот город с высокими минаретами, домами, с широкими, мощеными улицами, с ароматными запахами кофеен, с криками торговцев хорошо запомнился ему. Кажется, вечность прошла с тех пор, так безвозвратно и далеко ушло прошлое, наполненное светом счастливого детства.

Потом пришла война. Сначала забеспокоились старшие. Говорили, что откуда-то с севера напали гяуры и победили аскеров султана у города Сарыкамыш. Потом соседи и его семья начали собирать пожитки, грузить их на возы и арбы, чтобы уехать подальше от войны. Но беда, казалось, временно отступила. Все немного успокоились.

Гяуры напали неожиданно, перед рассветом, когда все спали. Али выбежал на двор помочиться и тут услышал первые выстрелы. По улице стремительно неслись кони, раздался разбойничий свит. Запылала крытые камышом и соломой крыши домов и скотных дворов.

³ Камча (*тюрк.*) – плеть.

⁴ Хорошо! (*тюрк.*)

⁵ Старший (*тюрк.*).

Все мужчин, кто был в эту ночь в ауле, а не на работах или на пастбищах, взяли за оружие и обороняли свои дома. Но озверевшие гяуры перестреляли из винтовок и посекали саблями сначала мужчин и юношей, а потом женщин, девушек, детей, стариков. Забрав и разграбив все ценное, гяуры ушли в полдень. Кровью были забрызганы и залиты все дворы и дома. Али, успевший спрятаться в старом сарае, потом своими глазами узрел этот ужас. Два дня он не знал, куда пойти. Домой идти ночевать боялся, ибо видел, что отец и все родные убиты. Две ночи он спал и прятался в том же сарае. На третий день в их аул вновь вошли гяуры, но эти уже ничего не грабили, а только хоронили убитых и молились Аллаху. Вот тогда огодлававший Али и залез в гяурскую повозку, чтобы найти хоть какой-нибудь еды. Но гяуры оказались рядом, и он, спрятавшись на дне повозки, укрывшись войлочным пологом, провел там еще сутки. Почти не дыша, когда гяуры подходили близко, он прислушивался. Речь гяуров была во многом понятна ему, похожа на его родной язык. Между тем их войско тронулось в путь. Али же побоялся вылезти из повозки, показаться на свет, и был увезен очень далеко из родного, уже вымершего аула.

Так, сам того не зная, двенадцатилетний мальчик из турецкого селения, разоренного то ли кубанскими казаками, то ли разбойничьим отрядом осмелевших курдов, оказался в обозе одной из сотен Башкирской бригады, воевавшей на русско-турецком фронте Закавказья под Трапезундом. Башкирами, пришедшими в аул, где родился Али, командовал сотник Юлдузбаев. Этот сотник обнаружил, накормил, а потом и приручил мальчишку. Раненый под Трапезундом, он вскоре был направлен на излечение в родные степи, раскинувшиеся на востоке Саратовской губернии, среди которых вьется неширокая степная река Камелик. Пленного, осиротелого турчонка Али сотник взял с собой, – не помирать же тому с голоду. А там – в родных степях за Волгой – у Юлдузбаева большие отары овец, свой табун добрых скакунов, стадо коров, немало быков, есть даже и верблюды. Для юного пастуха найдется много работы...

* * *

С 17 июля 7-я кавалерийская дивизия и 1-я конно-артиллерийская батарея вместе с ней были переданы в состав 5-го Сибирского стрелкового корпуса. Русское командование Юго-Западного фронта, маневрируя частями, усиливая то левый, то правый фланг своих войск, пыталось вновь прорвать австрийский фронт и продолжить наступление. Однако теперь везде русские армии встречали более стойкое и слаженное сопротивление. Всем становилось ясно, что бросать кавалерийские полки на колючую проволоку под плотный пулеметный и артиллерийский огонь равносильно безумию. Затем 27 июля последовал приказ командования о вторичной передаче 7-й кавдивизии в подчинение 32 армейского корпуса 8-й армии. Кавалерийские полки и артбатареи то дрались на передовой, то отводились в резерв. Так продолжалось почти до середины сентября. Офицеры полков и батарей дивизии недоумевали и негодовали.

– Разгром Австро-Венгрии виден невооруженным глазом! Империя Габсбургов на грани разгрома! Еще одно усилие, и австрийцы повержены! – восклицали одни.

– Почему командование не может перегруппировать силы и, создав ударную армейскую группу, вновь повести активное наступление, а затем полностью разгромить австрийцев? – открыто спрашивали другие.

Но уже в конце июля фронт медленно замер. Наступление русских армий остановилось. По всей линии фронта вспыхнули ожесточенные позиционные бои, ружейные, пулеметные и артиллерийские дуэли. Отступив далеко на Запад, противник успел подготовиться к длительной позиционной войне, стянуть и обеспечить снарядами и патронами многочисленные артиллерийские и пулеметные части, отрыть глубокие окопы, ходы сообще-

ний, прикрыть подходы к ним колючей проволокой и «волчьими ямами». Постепенно русскому командованию стало ясно: секрет упорной обороны противника заключался в том, что немецкие дивизии, срочно переброшенные в Галицию с Запада, спасли австро-венгерские армии от полного разгрома. Крупнейшее в истории Второй мировой войны поражение австро-венгерских войск в Галиции и Буковине спасло Францию от очередного разгрома под Верденом и дало ей возможность нанести ощутимый удар по германским войскам на реке Сомме. Брусиловский прорыв приблизил окончание войны, определив уязвимость австро-германского Четверного союза. Австро-венгерские войска потеряли убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн. солдат и офицеров, 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Потери русских армий исчислялись 500 тысяч штыков и сабель. Русские армии последний раз в истории Нового времени проявили, а затем навсегда утратили наступательную инициативу. Но если бы о том догадывалось русское командование, так и не сумевшее использовать в целях разгрома противника конец весны и лето 1916 года! И кто же тогда мог предположить, что этот последний прорыв Российской империи – лишь канун грядущих страшных перемен и потрясений.

Успешное наступление русских армий в Галиции и Буковине подвигло соседнюю Румынию к выступлению против Австро-Венгрии и ее союзников. Румыния вступила в войну 14 августа, но уже осенью ее 600-тысячная армия была разгромлена германскими, австро-венгерскими и болгарскими войсками. Россия оказала помощь Румынии, введя свои войска на ее территорию, и этим спасла своего нового «союзника» от полного поражения. Так закончилось последнее жаркое лето империи, «лето несбывшихся надежд», и началась теплая, влажная золотая осень 1916 года.

С 13 сентября 7-я кавалерийская дивизия была передана в распоряжение командования 11-й армии. Противник держался пассивно по всей линии фронта, но огрызнулся при первых попытках русских вести активные боевые действия. Следом 15 сентября 7-й гусарский Белорусский полк, 1-я и 2-я конно-артиллерийские батареи были отведены в армейский резерв. В войсках воцарилось некоторое уныние. По наблюдениям бывалых офицеров, такое «недоброе уныние» в войсках замечалось летом и осенью прошлого 1915 года, когда русские армии отступали по всему фронту. Наблюдая за тем, что происходит, Космин понимал, что теперь в моральном состоянии людей стало присутствовать что-то совсем иное. Среди солдат, части унтеров и младших офицеров нарастало чувство разочарования, недовольства войной и теми невосполнимыми потерями, что были принесены ей в жертву.

Между тем в сентябре, когда батарея находилась в резерве, унтер-офицер Космин был произведен (практически минуя промежуточное звание, с учетом гражданского образования) в чин прапорщика. Конечно, в воюющей армии сказывался и огромный недостаток офицеров. Но в рапорте капитана Горста командованию было отмечено, что означенный унтер-офицер достоин повышения «за воинское умение и доблесть, проявленные в летних боях 1916 года, а также за спасение раненого на поля боя». Теперь на плечах Космина красовались офицерские погоны с одной звездочкой на каждом, а слева к его офицерским ремням была приторочена сабля. Корнет Пазухин был также произведен в прапорщики, что послужило предметом большой попойки, вскоре устроенный друзьями.

В начале октября 7-ю кавалерийскую вновь вернули в подчинение 8-й армии, а 11 октября направили на юг фронта – в Северную Буковину, за 250 км от соединений 8-й армии. Там у города Коломыи и реки Прут дивизия влилась в состав 11 армейского корпуса 9-й армии. Все понимали, что это или малозначимое, или почти бесполезное движение пешек на огромной шахматной доске Юго-Западного фронта. Но теперь всем офицерам дивизии стало ясно, что их кавалерийскими частями прикрыли правый фланг Румынского фронта.

А жизнь русской армии шла своим чередом. Космин как-то заметно для других и незаметно для себя возмужал и даже заматерел за последние месяцы пребывания на фронте. Он

похудел, стал легок, подвижен и по-солдатски собран. Нос на лице заострился, серые внимательные глаза обрели настороженность и даже злость. Светлые волосы, спрятанные под армейской фуражкой, все быстрее оставляли высокий лоб. Ранее красивые, слегка раскрытые по-юношески губы с ярко выраженной верхней чайкой, теперь все время были плотно сжаты. Фуражка выгорела почти добела. Офицерская шинель, галифе и гимнастерка вытерлись, сапоги потрепались, хотя зачастую были вычищены им, как ранее. Но главное – внутри него произошла какая-то серьезная перемена, столь же заметная, как и внешняя, но еще не понятая им самим. Томик стихов «Чтеца-Декламатора» он теперь редко доставал из своего походного вещмешка. Одно Кирилл знал: он стал сильным и готовым, наверное, ко всему.

К исходу осени 1916 года больше половины румынской территории было захвачено войсками Четвертого союза. Возникновение Румынского фронта еще более растянуло Юго-Западный фронт России, рассеяло и ослабило ее силы. Боевые действия в Северной Буковине велись без напряжения. Однако 1 ноября 7-ю кавалерийскую дивизию перебросили западнее – к самой линии фронта – городам Надворная и Делатынь. Поздняя осень и зима 1916-1917 года стали для русских армий Юго-Западного фронта последним испытанием позиционной войны. Кавалеристы спешили, и их загнали в окопы. Артиллеристы также заняли позиции между первой и второй линиями окопов. Тут и пошли проливные, холодные дожди. Через несколько дней все дороги раскисли. Люди вязли в дорожной грязи по голенище. В окопы налилось по колено воды. На фронт пришли болезни. Однако Космин благодаря своей молодости и выносливости остался здоров. Горст выбирал для батареи места посуше – на пригорках, высотках, среди крестьянских садов, овинов и риг. Артиллеристы стреляли только в случае крайней необходимости, чтобы не открывать места своего расположения.

В начале декабря выпал первый снег и слегка подморозило. Дороги высохли. 7-й гусарский полк передали в кавалерийский отряд генерал-лейтенанта Желмицкого. Космин слушал. Все чаще вновь доставал томик стихов, с упоением читал Блока, Гумилева, Надсона. В батарею доходили редкие известия, что гусарский полк вел боевые действия и маневрировал далеко от расположения дивизии. Лишь под новый год гусар вернули в состав 11 армейского корпуса. И вслед за этим началась широкая переброска частей 8-й ударной армии в Северную Буковину – на юг Юго-Западного фронта. Командование явно готовилось к новому весенне-летнему наступлению 1917 года.

Глава II. Агония и любовь

В январе кавалерийские полки и конно-артиллерийские батареи отвели в резерв 8-й армии. Зима на Буковине была мягкой, снега было много. Стояли легкие морозы. Продовольствия и горилки хватало всем. На постое в хатах люди успели хорошо отдохнуть, выспаться. Пришло и пополнение. Казалось, с приближением весны жизнь начала пробуждаться вновь. 28 февраля части 7-й кавалерийской дивизии выступили на позиции.

– Может быть, последнее наступление, да и конец войне!? – думали многие.

Но весна 1917 года принесла совсем иное...

Первым ударом, обрушившимся во время февральско-мартовской оттепели, словно снежный ком с крыши на голову, стало для всех небывалое известие. Пришло оно утром 3 марта. На батарее солдаты и унтера только что окончили завтрак и готовились к утреннему построению, курили. Горст, выйдя из хаты на улицу и застегнув шинель, неторопливо делал последние распоряжения. Вдруг на батарею прискакал малознакомый посыльный в чине поручика. Он представился командиру батареи и доложил, что привез сообщение, запечатанное в пакет. Передавая с седла Горсту из рук в руки конверт, поручик негромко произнес:

– Капитан, в штабе дивизии приказано всем командирам частей ознакомиться с содержанием, а затем в устной форме изложить нижним чинам на утреннем построении.

С тем отдал честь, разворачивая коня.

– Благодарю, поручик, – отвечал Горст, принимая сообщение из штаба, козырнув в ответ и внимательно рассматривая тяжелую литую печать на конверте.

Посыльный тронул жеребца, прищпорил его и ускакал, разбрызгивая дорожную грязь и лужи талой воды. Неторопливо сломав сургучную печать, вскрыв конверт, Горст принялся читать. Уже в первую минуту по лицу командира Космин понял, что вести ошеломляющие. Брови Горста резко поползли вверх, глаза слегка округлились. Когда он дочитал до конца и взглянул на примолкших артиллеристов, лицо его порозовело. Затем молча махнул рукой прапорщику Власьеву.

– Становись! Строиться! – прозвучала громкая команда.

– Ра-авняйсь! Сми-ирно! Ваше благородие, господин капитан, личный состав 1-й конно-артиллерийской батареи для утреннего развода построен! – громко начал докладывать прапорщик, приложив руку к козырьку фуражки.

– Солдаты! Слушай меня! Я с вами служу в этой батарее уже два года, вы знаете цену моему слову. Теперь же долг обязывает меня объявить вам, братцы... – Голос командира дрогнул. – Из штаба пришло сообщение. Нет у нас более государя-императора! Что случилось там, в Ставке, наверху... не знаю. Пусть это объяснят политики из Думы. А наше дело – служивое. Одно могу сказать, из штаба пришел пакет. Там написано, что государь Николай II отрекся от престола в пользу младшего брата – Великого князя Михаила. Верховным главнокомандующим вновь назначен Великий князь Николай Николаевич. Надеюсь, позднее последуют разъяснения. Вольно, – закончил Горст совсем негромко.

Личный состав батареи, как стоял смирно, так и замер, не исполнив команды «вольно». Ни радости, ни печали в глазах солдат, только удивление и испуг... У Космина при этой вести засосало под ложечкой, и он почувствовал сильную дрожь в коленях. Сердце подсказало голове, что привычная доселе река российской жизни со всеми своими вековыми устоями навсегда вышла из своих берегов и потекла по другому руслу. Вскоре приказом по частям известили, что власть в Петрограде перешла к Временному Комитету Государственной Думы, а следом к Временному правительству, которое поддерживал какой-то Петроградский Совет депутатов.

Вторым ударом для всех офицеров стало оглашение в частях Приказа № 1 от 1 (14) марта 1917 года Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В нем говорилось о фактическом переходе власти в армии к солдатским комитетам, выборности командного состава, смене солдатами начальников, не выполнявших их требования. Приказом вменялись: отмена титулования офицеров и генералов «вашим благородием» и «вашим превосходительством», отмена отдания воинской чести, взятие оружия под контроль солдатских комитетов, запрещение его выдачи офицерам.

Приказ этот сразу же породил безначалие, развал армии, а затем и нарастающее, порой дикое избиение офицерского состава, самосуд, расправы разнуздавшейся, темной солдатской массы над остатками цвета русской военной элиты. Страшные слухи ползли по линии фронта и прифронтовой полосе среди офицерства. До личного состава полков 7-й кавдивизии и конно-артиллерийских батарей дошли жуткие известия о том, что в отдельных частях Юго-Западного фронта офицеров расстреливали, жгли, топили, разрывали, с невыразимой жестокостью молотками пробивали головы.

– Вы слышали, что сделали с командиром Дубовского стрелкового полка за то, что тот не утвердил выбранного ротного командира и посадил под арест трех агитаторов? Распяли. Да-с, батенька! Прибили гвоздями к дереву и начали поочередно колоть штыками, обрубить уши, нос, пальцы, – свирепо вращая белками глаз, налитых кровью и чувством ужаса, рассказывал прапорщик Власьев Космину, который с трудом верил в это.

Впрочем, трагедия порой становилась трагикомедией. В кавалерии среди офицеров ходили и такие рассказы, как генерал князь Ю. И. Трубецкой пострадал за крупу. Конная дивизия, состоявшая под его началом с 1916 года, объедалась на войне дармовой курятиной и свиной, а казенную кашу выбрасывали. Но в начале революции казаки сразу вспомнили, что крупа миновала их желудки. Потребовали у командования за нее деньги наличными. Все началось с митинга, а закончилось побоями офицеров и взломом денежного сейфа. Трубецкого не тронули, ибо он был любим казаками, но князь удалился в отставку по статье «не годен».

Капитан Горст, слышавший эти известия, сосредоточенно молчал. Благо в его батарее царили порядок и уважение к старшим по званию. Да и ему – командиру – надо было отдать должное; он всегда заботился о своих подчиненных. Все, что касалось снабжения личного состава батареи продовольствием, обмундированием, медикаментами, – все это было у них в наличии и в достатке. Капитан никогда не рассчитывал на русское «авось», а добывался у интендантов и на складах получения всего необходимого. Тем более, у него на батарее всегда был запас боекомплекта. Во время любого боя Горст расчетливо вел огонь, потому солдаты всегда были уверены в нем. Знали, что с ним не пропадешь. Знали и то, что командир всегда найдет возможность дать людям хорошо отдохнуть, помыться и переодеться в чистое, да и не будет без дела гонять их.

Однако в кавалерийских полках дела, по слухам, обстояли более напряженно.

Об этом периодически сообщал Космину Пазухин, приезжавший в 1-ю батарею по разным делам. Под новый год Алексей получил очередное звание и стал подпоручиком. И хотя носить многочисленные звезды на погонах стало опасно, удалой гусар с гордостью поглядывал на небольшое созвездие, угнездившееся на его плечах по обе стороны синих кавалерийских просветов.

Дисциплина падала. В апреле в полках и в батареях появились дезертиры.

Сначала из частей стали уходить солдаты, причем они частенько бежали, унося с собой винтовки и патроны. Солдатские комитеты полков и батарей не могли, да и не хотели предотвратить или заметить это. Следом подались в дезертиры и офицеры.

Начались братания с австрийцами.

Однажды апрельским утром Горст подозвал к себе Космина и Власьева и, предложив им бинокль, сказал:

– Вот полюбуйтесь, граждане офицеры, кажется, драгуны Кинбурнского полка имеют честь пить водку с австрийцами у них в окопах.

– Господин капитан, австрийцы же шнапс предпочитают, – с ухмылкой промолвил Власьев, покручивая ус.

– Они и от хохляцкой горилки не откажутся, – с улыбкой добавил чернявый унтер средних лет, недавно прибывший на батарею в пополнение.

– Действительно, гуляют. Белый флаг на шесте воткнули в бруствер окопа. Расселись, наливают из фляги, песни поют. А вон австрияки в серой и голубой форме под нашу гармонику танцуют. А гармонист немало кружек залил за воротник, рожка-то красная, гимнастерку расстегнул, распоясался и по клавишам наяривает. А вон, глядите, комитетчики в кружок с австрияками расселись и не иначе о политике разговоры разговаривают. Ба, у них и фотограф там, фотографируются, сукины дети! – воскликнул Власьев, приняв бинокль из рук командира батареи и вглядываясь на запад за русские окопы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.